

Колдовские Миры

Империя Тигвердов

ПЛАМЯ МЕСТИ

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Никогда не знаешь, к чему тебя приведет любовь к синим платьям и к журналистике. Никогда не знаешь, кого видишь перед собой. У злодеев тысячи лиц, и надо научиться видеть сердцем.

Меня зовут Вероника. С фамилией, как и со статусом в империи Тигвердов, мне еще предстоит определиться, а пока... Пока кое с кем предстоит разобраться, да помогут нам Стихии! И может быть, тогда я наконец-то скажу Ричарду, что...

А сейчас под угрозой не только наше чувство, но и само существование тысяч людей под небом Империи, которое перестало быть прекрасным и мирным.

Тереза Тур

Империя Тигвердов. Пламя мести

© Тур Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Денис стоял и смотрел на женское тело, найденное в подворотне. Странный непривычный гул в голове мешал сосредоточиться и понять, что делать дальше. Хотелось закурить. Он бросил еще до того, как перебрался в империю, а теперь и вовсе не вспоминал — имперцы не выносили запах табака.

До этого момента не тянуло, а сейчас... Он нервно дернул головой, запрещая сотруднику переворачивать убитую лицом к ним... Еще несколько мгновений он может разрешить себе надеяться. Еще чуть-чуть — на пару затяжек. Черт, как же хочется курить. Надо все-таки держать пачку на экстренные случаи, хотя Луиза не одобрит.

Этот район Роттервика был спокойный, уважаемый даже. И жители дома немедленно вызвали сотрудников Уголовной полиции. Да еще и отчитали прибывших следователей за то, что те недостаточно хорошо выполняют свою работу по обеспечению правопорядка в столице.

Бывший командир СОБРа, а ныне — волей императора Фредерика — начальник Уголовной полиции империи, не отрываясь, смотрел на убитую. Длинные рассыпавшиеся по спине медовые волосы, темно-синее платье. И перстень с темно-синим камнем на указательном пальце правой руки. Тело лежало так, чтобы рука и перстень на пальце бросались в глаза.

Денис воспринимал свою способность мысленно связываться с людьми в этом мире как должное. Его психика быстро адаптировалась к местным «чудесам», так как был он натурой не романтической и не впечатлительной. Глубоко вздохнув, он еще раз почувствовал желание затянуться сигаретой, сосредоточился и мысленно позвал:

— Вероника! — Она не отвечала.

Зато Ричард, с которым он связался вторым «звонком», ответил сразу, словно что-то почувствовал.

— Где она? — спросил Денис у сына императора.

— Эта невозможная женщина, — абсолютно счастливым голосом ответил принц Тигверд, — опять оторвалась от охраны. Оставила записку, что ушла по делам, и исчезла.

Сердце начальника Уголовной полиции рухнуло вниз. Он разорвал связь, резко шагнул вперед и, стараясь чтобы никто не заметил, как предательски трясутся руки, перевернул покойницу.

— Ника... — раздался за спиной хрип Ричарда. Имперец почувствовал неладное и сразу перенесся к Денису.

— Нет, — выдохнул бывший командир СОБРа со смешанным чувством дикого облегчения и нестерпимого стыда, рассматривая лицо. Симпатичное, круглое. С россыпью веснушек. Незнакомое.

— Это не она? — выдохнул Ричард.

— Смотри сам. — Денис поднялся и шагнул назад.

Принц Тигверд сделал над собой явное усилие и опустился на колени рядом с убитой. Долго и внимательно ее осматривал.

— Явно хотели меня задеть. И перстень очень похож...

— Согласен. Синее платье, — кивнул начальник Уголовного розыска. — Необычный оттенок волос. Кто-то захотел с нами поиграть...

— Я вызвал армейских розыскников. Сейчас будут, — ответил ему главнокомандующий в отставке. — Милорд Браун, я позволю себе предложить помощь вашему управлению?

— Я с удовольствием ее приму, — торжественно ответил Денис. — Более того, я буду настаивать на том, чтобы организовать сотрудничество всех силовых ведомств, пока у нас... подобная непонятная ситуация.

Хлопок портала. И перед ними появляются военные. Черная форма, отсутствие знаков различия.

— Командующий Тигверд, — поклонился невысокий крепко сбитый черноволосый мужчина, на вид такого же возраста, как и старший сын императора.

— Полковник Гилмор, — обратился к нему Ричард, — позвольте вам представить нового начальника Уголовной полиции милорда Брауна.

— Очень приятно. — Мужчины коротко поклонились друг другу и обменялись рукопожатиями.

— Я заинтересован, чтобы дело об убийстве этой несчастной, — Ричард кивнул в сторону тела на мостовой, — было раскрыто в кратчайшие сроки. А виновный... Я желаю с ним пообщаться. Надеюсь, господа, вы пойдете навстречу моим желаниям. В связи с этим, полковник Гилмор, объявляйте особое положение, присоединяйтесь к сотрудникам Уголовной полиции. Поднимайте всех. Вы поступаете в распоряжение милорда Брауна. О ходе расследования отчитаетесь мне завтра в семь утра. И, кстати... — В его глазах полыхнули алые всполохи. — Отрядить пятерку нюхачей. Пусть мне доложат, где миледи Вероника. Мне необходимо с ней поговорить.

— Миледи Вероника... — счастливыми улыбками встретили меня три дамы, оставаясь, впрочем, сидеть в креслах.

Как я поняла — мне пытались указать, где мое место. Стратегия этих райских птичек заключалась, видимо, в том, что я, стоя на пороге изящной до зубной боли гостиной, должна была почувствовать себя никчемной неотесанной выскочкой. Впрочем, так оно и было, а потому не задевало нисколько.

Я глубоко вздохнула, улыбнулась хищной улыбкой, скопированной у его величества Фредерика, обвела их всех насмешливым взглядом и неторопливо шагнула вперед, давая женам вельмож фору на пару минут... Надо же им было привыкнуть и одуматься.

Итак, кого я вижу перед собой?

Маркиза Вустер. Ту, что мы с Джулианой — моей помощницей в деле издания журнала — называли «иконкой стиля». Аристократка. Красивая, утонченная. Каждый жест продуман, каждое движение отточено. Каждая мелочь — в облике ли, в одежде — подчеркивает статус и красоту хозяйки... Я обратилась к ней через его величество, она мне была нужна. В идеале я бы хотела, чтобы она лично вела модную колонку в моем журнале. В крайнем случае — консультировала.

Она согласилась встретиться со мной и все обсудить. Но почему-то ждала меня не одна, а в компании еще двух дам.

И кто это? Интересно мне знать...

Молчание затягивалось. Я смотрела на женщин, они смотрели на меня. Хозяйка дома, которая должна была нас представить, молчала.

Вообще-то, если посчитать, то с момента моего появления в доме меня оскорбили уже не один раз.

Мы с маркизой Вустер запланировали встречу, не предполагающую, как я думала, присутствия посторонних, — раз. Неизвестных мне дам не представили — два. Кроме того, я все-таки была членом семьи императора, следовательно, по местному табелю о рангах они должны были приветствовать меня поднявшись. А так... Я перед ними стояла, как служанка при найме на работу. И присесть мне, что характерно, не предложили.

— Я так понимаю, — как-то мне все это надоело, — что разговора не получится... Маркиза, я в восторге от вашего умения оказывать любезность. Доброго дня, дамы.

И я развернулась, чтобы уйти из этого дома.

Марево портала, и я сталкиваюсь с Ричардом.

— Ника! — Он хватает меня за плечи.

— Ваше высочество... — пытаюсь голосом показать, что он со своими проявлениями чувств слегка не к месту, но любимый меня почему-то не слышит.

— Почему без охраны! — теперь в его голосе слышится злость.

— Принц Тигверд... — поджимаю я губы, раздосадованная этим представлением.

Дамы за спиной старательно молчат.

«Ричард! — мысленно рычу я, — да оглядись и возьми себя в руки! Мы не одни!!!»

Он наконец приходит в себя, смотрит за мою спину. Его лицо принимает обычное для общения с посторонними отстраненно-надменно-насмешливое выражение.

— Маркиза, — чуть склоняет он голову, не выпуская, впрочем, мои плечи.

— Ваше высочество, — нежный женский голосок невинно звенит серебряным колокольчиком.

— Вы уже закончили вашу... беседу? — обращается ко мне Ричард, и насмешка в его голосе становится отчетливее.

— Да, — киваю я.

— Чего-то подобного я и ожидал, — иронично отзывается он. — Маркиза, вы предсказуемы.

Я обернулась, чтобы увидеть, как хозяйка дома поднимается и склоняется в придворном реверансе. При этом ее глаза сверкнули ненавистью, которую ей не удалось скрыть, несмотря на то что она явно старалась это сделать.

— Герцогиня Борнмут... — продолжил сын императора. И герцогиня — сверкая надменной красотой совершенной статуи — тоже была вынуждена подняться и склониться перед нами. — Мне кажется или его величество абсолютно зря высказал предположение о том, что опалу вашей семьи можно снять? Складывается впечатление, будто ни вы, ни ваш муж — бывший генеральный прокурор — не умеете ценить хорошего отношения августейшей семьи. Весьма прискорбно....

— Графиня Тробрэдж... — обернулся принц Тигверд к третьей участнице наших милых посиделок. Дама была бледна, и в ее синих глазах явно читалась растерянность. — Вас я, честно говоря, не ожидал здесь увидеть.

«Тробрэдж... — стала вспоминать я. — Это, получается, мама студента из Академии. Дипломник Ричарда, который у него обедал».

Я старательно отогнала мысль о том, как этот самый юный аристократ пытался меня зажать в коридоре...

«Именно он следил за правилами поведения на дуэли, когда Рэм и Паша сцепились с сыновьями Кромера и Борнмута».

— Общаясь с вашим сыном в стенах Академии, я подразумевал, что и его семья — вполне лояльные к императорской фамилии аристократы, — продолжил между тем принц Тигверд.

— К императорской фамилии — безусловно! — все-таки не выдержала хозяйка дома. — Однако...

— Вы оспариваете решение императора? — Теперь в голосе Ричарда было только веселье. — Вы не согласны с тем, что и я, и миледи Вероника принадлежим к семье повелителя? Да вы просто бунтовщица, миледи!

— Его величество волен в своих решениях, — прошипела маркиза.

— Именно так, — склонил голову сын императора. — А его подданные должны уважать эти решения. Я думаю, на этом мы закончим эту интереснейшую беседу. Дамы... Я разочарован. Миледи Вероника...

Он протянул мне руку, на которую я и оперлась.

Мы сделали шаг в портал.

— Где мы? — спросила я.

— О! Это сюрприз, дорогая! — Что-то было в его голосе такое, что я напряглась.

— Посмотри, Вероника. — Это был Денис.

— Что происходит? — недовольно поинтересовалась я, оглядываясь. Поняла, что нахожусь в какой-то подворотне. А прямо передо мной лежит мертвая женщина.

В голове у меня застучало, ноги подкосились.

Меня поддержал, не давая упасть, Ричард.

— Смотри внимательно, Вероника... Никого не напоминает? — И я понимаю, что если посмотрю ему в глаза, то увижу вместо обычной черноты алое пламя бешенства.

— Пусти меня...

— Нет, — слышу я, к своему удивлению. — Смотри внимательно.

— Не понимаю. — Злость сплетается со страхом.

— Она одета так же, как ты, — шипит мне в ухо принц Тигверд. — У нее твой цвет волос. И — посмотри — похожий перстень на пальце.

— Действительно.

— А ты сбежала от охраны.

— Ее убили, потому что перепутали со мной?

— Вот этого мы не знаем, Вероника, — вмешивается в нашу беседу Денис. — Но когда мы увидели несчастную, то нам показалось...

— Ричард, — поднимаю я глаза на мужчину, который продолжает меня обнимать.

— Ника, больше никаких отлучек без охраны, — приказал мне сын императора. — Мне не хотелось бы тебе угрожать или ругаться с тобой, но... Пожалуйста.

— Хорошо, — тихо пообещала я.

Действительно, что-то я осмелела чересчур. А может, это у меня так выражался протест против того, что моя семья — и я, и Наташа, и мои родители с мальчиками — была вынуждена переселиться в империю.

— Забери меня отсюда, — подняла я глаза на Ричарда.

— Конечно, любимая, — прикоснулся он губами к моим волосам.

В последнее время мы сбегали ото всех в крошечный домик посреди вечного леса. Я все хотела спросить у него, где мы и как он нашел эту избушку... Но стоило оказаться наедине, как все вопросы, мысли и переживания прятались — а появляться снова стеснялись....

Оставалась только наша дикая, какая-то отчаянная страсть. И мы отдавались ей так, будто виделись в последний раз. Ричард не заговаривал ни о свадьбе, ни о будущем. Мы вообще старались не разговаривать, наверное, оба боялись, что любым неосторожным словом можно уничтожить тот хрупкий мир, который установился между нами.

Мы просто делали шаг навстречу друг другу — один маленький, осторожный шагок... А потом... Потом мы смотрели друг другу в глаза, и время исчезало, а пространство плавилось в затерянной избушке непонятно где.

Мы уже перестали стонами — моими — и рычанием — его — пугать окрестную живность. И теперь просто молчали. Нам было уютно. Обнявшись, мы слушали лес, который, казалось, по-доброму и чуть насмешливо слушал нас.

Я уже начала дремать, когда Ричард тихо проговорил:

— А ты помнишь...

— Танго?

— Да. — Он легонько коснулся меня губами.

— Это было волшебное место... Мы еще будем там?

— Просто побывать там можно, — Ричард гладил мои волосы, но говорил куда-то в пустоту, — но попросить решить твою проблему — нет.

— Почему?

— У мага есть только один шанс за жизнь спросить у Пустоты совета. И попросить совершить чудо.

— И ты потратил этот шанс? — Я посмотрела ему в глаза и не увидела там и тени сожаления. — А вдруг в твоей жизни случится что-то более важное?!

— Самое важное в моей жизни — ты... — И он сменил тему: — Мне понравилось, как ты вчера пришла ко мне на совещание.

Пальцы легонько стали поглаживать мою спину, вспоминая, должно быть, наш обоюдный взрыв страсти, который за этим вытаскиванием с совещания и последовал.

— По-моему, мне все позавидовали. — Он чуть прикусил мне мочку уха, потом стал целовать шею.

— На самом деле я пришла к тебе ругаться. Потому что ты скрываешься от моих журналистов. И нарушаешь все договоренности!

Надо же, у меня хватило сил на такую длинную фразу.

— По-моему, это было эффектное появление. И его запомнят, — довольно сказал Ричард.

— Это ты превратил деловой разговор в... непонятно что!

— А ты не заметила полный кабинет военных и просто стала меня целовать... И такое впечатление, что, если бы я нас сюда не перенес, ты бы меня там, на столе в кабинете, и...

— Ричард!

— Что?!

— Ничего... На столе — это неудобно.

— Почему? — блеснули его глаза.

Думаю, в ближайшее время мы что-то такое будем проверять опытным путем. Я рассмеялась — и тоже стала гладить его. Потом вывернулась — и склонилась над ним. Мои волосы рассыпались по его коже.

— Будешь меня провоцировать — опыты начну прямо сейчас...

— Может, если я заведу руки за голову, вам будет удобнее? — обратился он ко мне, сверкая черными глазами.

— О! Это было бы весьма любезно с вашей стороны, милорд...

Я поцеловала его твердые и вкусные губы. Потом подняла голову. Внимательно посмотрела на него...

— Изумительное сочетание: светлых, почти белых волос, вьющихся на затылке, — мои пальцы запутались в его распущенных волосах, — и черных глаз. Ричард, я схожу от тебя с ума буквально с первого взгляда.

— Я тоже... — прошептал он. Потом насмешливо прищурился и спросил тоном девочки-отличницы: — Так ты воспользуешься моим беззащитным положением?

— Всенепременно! — кивнула я.

И воспользовалась.

* * *

— Расскажи мне об этом лесе, — неожиданно для себя попросила я.

— О чем тебе рассказать? — изумился и он.

— Это же не просто лес...

— Нет. — Удивление в его глазах никуда не делось, но он с явным облегчением поменял тему разговора. — Это лес погибшего мира.

— Как это?

— На этот мир напали. Только завоевателям не нужны были полезные ископаемые. Им необходимы были земли. Для себя, для своих детей. Их мир погиб — и им некуда было идти.

— А вы помогли тем, кто защищался?

— Да. Только мы не учли степень отчаяния нападавших... Или сумасшествия... Не просчитали.

— И что сделали нападавшие?

— Когда они поняли, что проигрывают, они уничтожили этот мир. Сочетание техники, магии и мощного проклятия, замешанного на жизнях тысяч живых существ.

— Какой ужас.

— Мы спасли кого смогли, вывезли. В этом мире осталось несколько городов, под куполами защиты. И этот лес. И убийственный ядовитый большой мир снаружи. Я сам ставил защиту, чтобы под куполом спасти это место.

— А есть надежда?

— Я верю в это. Когда-нибудь заклятие рассеется. Я уберу щиты. И такой лес будет по всему миру. Он возродится.

Он долго смотрел мне в глаза. И выдохнул:

— Я тебя люблю...

* * *

Когда я перенеслась домой, в загородное поместье Ричарда Тигверда, то попыталась тихонечко просочиться в свою комнату. Честно говоря, хотелось в душ и подремать. В голове была приятная легкость, а ноги подкашивались. Но меня, к сожалению, уже ждали.

— И как вы прикажете вас понимать, миледи? — споткнулась я о взгляд глаз, отсвечивающих алым.

О-о-о! Какой родной, наполненный скрежетанием голос... Если закрыть глаза, то можно подумать, что это гневается или император Фредерик, или его старший сын — Ричард. Я умилилась и проговорила:

— Простите, Брэндон. Знаю, что поступила не очень разумно...

— Разумно?! — взвился он окончательно. — Смею вам напомнить, миледи, что я несу за вас ответственность! А еще — в прошлый раз, когда вы так исчезли, то были захвачены сошедшей с ума русалкой!

«Это он еще не знает о том, что нашли убитую женщину, похожую на меня...»

Пока наследник гневался, а я ощущала себя девочкой-первоклассницей, одновременно размышляла о том, что надо бы дать задание нашим журналистам узнать подробности этого дела. Но связываться сама с ними я не умела, а просить об этом... Брэндона, например... не очень хотелось.

— Слушайте, — мне удалось вклиниться в его проникновенно-гневный монолог, — но ведь не было никакой опасности. Я перенеслась в столичный особняк Ричарда. А оттуда дошла пешком до дома маркизы Вустер.

— Так вот где вы были... Как пешком?!

Я посмотрела на него удивленно — моя прогулка, между прочим в соседний дом, тут при чем?

— Вас должны были привезти в карете, — продолжил возмущаться наследник. — Вы же не прислуга, чтобы пешком ходить!

— Брэндон, — взмолилась я, — давайте я отдохну, а вы меня после поругаете.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Отлично. — Так, Вероника. Не краснеть. Ни в коем случае не...

Брэндон посмотрел на меня с насмешкой.

— Простите, что задержал вас в холле.

Покачала головой — вот ведь язва тигвердская...

И прошла в гостиную. Меня встретил радостный Флоризель, всем своим собачьим видом выражая поддержку, но при этом осторожно поглядывая на Брэндона — сердится ли тот или уже нет.

Тут я попала под прицел матушкиных глаз. Судя по поджатым губам, она была совершенно согласна с каждым словом наследника. Понятно, что сюда долетели все. Странно, что она не выскочила оказать поддержку молодому дарованию, когда он меня воспитывал.

Прошла к своему креслу у камина. Уселась. Погладила подросшего щенка, со счастливым вздохом рухнувшего рядом. Оглядела свое воинство.

Наташа сражалась с имперской печатной машинкой, тыкалась в нее пальцами и тихонько бурчала что-то неприличное. Привычный ей ноутбук зарядить было не с чего, и она пыталась освоить местную технику. Но у нее это не получалось. К тому же буквы были имперские. А думала создательница фэнтези по-русски... В общем, писательница была в печали.

Джулиана что-то сосредоточенно рисовала в альбоме. Всю неделю она была какой-то потерянной. Погруженной в себя. Почти не говорила. Утром писала статьи — и для газеты, и для журнала. Днем металась по городу, общаясь со знакомыми журналистами и собирая новости. Исчезала вечерами.

— Брэндон, — обратилась мама к наследнику, явно продолжая разговор, который был до моего прихода. — Все-таки надо решать вопрос с переездом.

Сын императора Тигверда поморщился.

— Мы не можем издавать нормально газету и журнал, сидя в поместье под охраной.

— Это я понял, но вопросы безопасности — прежде всего!

— Согласна. Но! — Мама подняла указательный палец вверх. — Никого из нас нет в редакции. Новости до поместья доходят с опозданием. Хорошо хоть, что в типографии пока боятся — но это ненадолго. Без присмотра все рухнет!

— Я бы не был в этом так уверен.

— Надо перебираться в город. И ходить на работу, как положено.

— Мы еще толком с теми, кого набрали в штат, не беседовали. Не говоря уже о внештатных сотрудниках, — добавила я. — Кстати, маркиза Вустер не будет вести в журнале колонку о моде.

— Она вам отказала? — изумился Брэндон.

— Можно сказать и так.

— Значит, надо искать еще кого-то, — кивнула мама. — На Луизу мы все это не повесим. У девочки подготовка к свадьбе. И она взяла на себя колонку с рукоделием.

— А меня пока не будет вечерами, — отозвалась Джулиана.

— Можно подумать, для кого-то секрет, что вы вечерами отправляетесь во дворец, к

императору Фредерику, — мерзким голосом проговорил наследник. — Должно быть, вы очень стараетесь показать ему, насколько благодарны за то, что он не отправил вас на рудники!

Мы все обомлели от подобного.

А Джулиана... Она вскочила, уставилась в глаза Брэндона, словно надеясь, что ослышалась. Увидела гнусную усмешку. Побелела. Подошла, изо всех сил залепила наследнику пощечину. Кинула ему под ноги альбом, в котором рисовала, — и выбежала.

— Ты понимаешь, что сделал? — взбеленилась теперь и я. — Ты понимаешь, гаденыш высокородный, как эту девочку жизнь трепала? Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что ей пришлось пережить, чтобы на панель не попасть? Или ты думаешь, что она просто так в обносках ходит? Она старается, чтобы ее красоты никто не заметил, — тебе это не приходит в дубовую голову?! А почему — сам догадаешься или тебе подсказать?

Брэндон, не отвечая мне, поднял альбом. Пролистал его.

— Стихии... Милена Рэ... — прошептал он. — Она рисует для отца портрет Милены Рэ...

И наследник исчез.

М-да. День удался.

Глава 2

— Привет, — потянулась я. — А я и не слышала, как ты пришел.

Ричард, уже одетый как обычно — весь в черном, с заплетенными волосами, склонился надо мной, опираясь коленом на кровать.

— Прости, — с досадой проговорил он. — Не хотел тебя будить, но не удержался.

— Погоди пять минут. Я соберусь — и мы хоть позавтракаем вместе.

Я умывалась, наклонившись над раковиной, когда почувствовала его нетерпеливые руки на своем теле.

— Какой вид, — прошептал он, прижимая меня к себе.

— А завтрак?

— Опоздаю, — пообещал он мне. — Но от завтрака не откажусь. И не только от завтрака.

Я поймала в зеркале отражение его улыбки и пропала...

* * *

На завтрак с Ричардом я так и не спустилась, потому как сладко-сладко заснула. Через несколько часов, отдохнувшая, выспавшаяся и в прекрасном настроении, я вышла из своей комнаты.

В этот момент раскрылась дверь в конце коридора, и оттуда выскользнула Джулиана. Я взглянула на нее и искренне расстроилась... Опять — «гордый имперский бомж — лучшие годы». Вздохнув, я не удержалась и спросила:

— Зачем?

Но, внимательно посмотрев в горящие гневом изумрудные глаза, только примирительно подняла ладони вверх. Мы в молчании спустились вниз, зашли в столовую. И обнаружили там Брэндона, который мерил комнату нервными шагами. Джулиана застыла на пороге. Я тоже... застыла...

В руках принц Тигверд держал... чудо! Чудо, которое заставило меня на несколько секунд забыть обо всем. Это был огромный букет совершенно удивительных цветов. Бутоны формой напоминали тюльпаны, но были намного меньше по размеру. В середине каждой чашечки цветка горело пламя огня. Мне хотелось так стоять и любоваться этой красотой бесконечно, и самое страшное, что так оно и было бы, если бы меня не окликнули слуги.

— А... Мне надо отдать распоряжения. На кухне. Срочно, — объявила я. И сбежала.

— Госпожа Блер, простите меня, — услышала я голос наследника, прикрывая за собой дверь.

На кухне я обнаружила маму и Наташу. Увидев, что я вошла, подтянулись и Оливия с Катариной.

— Ну что там? — блестя глазами, спросила Наташа.

— Наследник и... цветы... — ответила я.

— Это не просто цветы. — Джон Адерли хитро блеснул глазами.

Я окинула взглядом всех собравшихся, и мне стало понятно, что Джон, Катарина и Оливия улыбаются как-то по-особенному. Остальные были скорее в замешательстве.

— Рассказывайте, — потребовала я.

— Это — Огонек Надежды. Цветы влюбленных. Юноша дарит девушке огонь любви в надежде, что тот коснется ее сердца.

— В нашем мире есть два способа проверить, есть ли между влюбленными искренние чувства, — улыбнулась Оливия.

— Только если интерес взаимен — цветы будут гореть. Таким образом юноша может проверить чувства девушки. — Это уже просияла Катарина.

— А если подарить эти цветы мужчине — можно проверить его чувства? — поинтересовалась я, уловив во всем этом некую дискриминацию.

— Женщина ведет мужчину в «Зеленую цаплю», — хором прочирикали Оливия и Катарина.

Джон одернул их — и мне показалось, что он не хочет продолжения разговора. Мне, конечно, тут же стало интересно — почему, но тут мама спросила:

— А Джулиана?

— А Джулиана — обрядилась в свое, — ответила я.

Вздых разочарования.

— Ладно, давайте работать, — приказала мама. — Я сегодня намерена побывать в редакции и типографии.

Маму, у которой был огромный опыт редакторской работы, мы единогласно назначили главным редактором. Правда, она ворчала, что никакого отношения к журналистике никогда не имела. Редактировала себе свое любимое фэнтези. А вот ведь как жизнь повернулась.

— И тебе как хозяйке всего этого безобразия не грех трудовому народу показаться! — заявила сердито мама, увидев улыбку на моем лице.

— Хорошо, — не стала спорить я. — Но потом я уеду.

Мне надо переговорить с господином Мирровым.

— По-моему, ты просто хочешь сбежать от всех в свой любимый книжный магазин.

— Не без этого, — ответила я. И обратилась к Наташе: — Составишь мне компанию?

— Давай в другой раз, — улыбнулась она. — У меня книга пошла — не хочу сбивать настроение.

— Его высочество недоумевает, почему его все оставили, — дипломатично намекнул Джон Адерли.

— А Джулиана? — хором спросили мы.

— Госпожа Джулиана с букетом в руках выскочила из дома. Должно быть, на прогулку.

* * *

На самом деле в редакцию и типографию нужно было отправлять одного Брэндона Тигверда. Ни ко мне, ни к маме никто и не думал относиться хоть как-то мало-мальски серьезно. С опаской — это да, как к двум обезьянам с гранатой. Еще представители пишущей братии посматривали на нас с тяжелым недоумением. Две дамы, одну из которых называют невестой ненаследного принца Тигверда, в сопровождении наследника престола... Да еще и после того, как разъяренные военные сожгли их предыдущее место работы, а все начальство император отправил на рудники, «хранить гордое терпение».

Я обозначила свое присутствие, произнесла патетическую речь на тему: «Вейтесь

кострами, работникам имперского труда — ура и выше, дальше, сильнее!»

Похоже, никого особо не впечатлила, оставила маму разбираться со всем этим безобразием и удалилась на встречу с господином Мирровым, хозяином самого крупного книжного магазина в Роттервике.

— Вы понимаете, что журнал нужно делать бомбой! — сразу начала я.

Мужчины посмотрели на меня удивленно. Я пояснила:

— В смысле, чтобы все о нем только и говорили.

Они кивнули с облегчением.

— Господин Мирров, я бы хотела вам предложить договор о сотрудничестве.

— Моя дорогая миледи Вероника, — прищурился владелец книжного магазина, — кто я в сравнении с теми вельможами, что вас окружают...

— Но мы в любом случае не будем заниматься распространением журнала, — парировал наследник. — А у невесты ненаследного принца Тигверда есть идея, что «Имперская сплетница» должна продаваться не только в столице или в Центральной провинции, но и на всей территории империи.

— То же самое касается и газеты. Надо в каждом регионе делать...

— Остановитесь, миледи, — приказал мне Брэндон. — Перед тем как вы будете что-то рассказывать о своих планах, необходимо, чтобы господин Мирров дал свое согласие, а я взял с него клятву о неразглашении.

Я кивнула — утечки информации не хотелось. Мне было понятно: если сделать издательский дом по аналогии с земными — это золотое дно. И сокровищница. Потому что у Тигвердов все было... как-то по-военному. Прямолинейно. И никаких излишеств. Как и особых развлечений.

И вообще, создавалось ощущение, что идея о том, что пресса формирует общественное мнение и это надо использовать, приходила в голову только мне. И нашему пока еще неведомому противнику. Вот что хотите со мной делайте, но я не поверила в то, что все это затеял и провернул главный маг империи — Удо как-его-там. Мне все казалось, что за ним стоял кто-то более коварный. Более умный.

Женщина.

Тут я поняла, что господин Мирров задает мне вопрос, а я и не слышу... Попыталась включиться. Мы обсудили вопросы цены, по которой можно было выставить журнал на продажу — она оказалась чуть выше, чем я планировала.

Мирров обещал познакомить с людьми, которые занимаются поставкой прессы по всей территории империи. Поддержал идею Наташи о том, чтобы в журнале были обзоры новинок литературы. Распорядился прислать по нашему адресу необходимые книги.

— Вы же понимаете, что этот самый обзор не обязательно будет положительным? — смеясь, спросила я. — Вдруг нам не понравится.

— А вот это — совсем не важно. Главное — поднять шум.

— Тогда вопрос: а как поднять шум с нашим журналом? Как бы вы это сделали?

— Сделайте закладки для книг с рекламой вашего журнала. И за неделю перед выходом — раньше не надо — пускай в магазинах вкладывают эти закладки в покупки.

— Замечательно, — улыбнулась я. — А плакаты в магазинах?

— Можно как дополнение. Только вы же понимаете... С вас не возьмут денег. С вас как с особы, приближенной к императору, попросят услугами.

— А что попросите конкретно вы?

— Рекламу своего магазина. Время от времени. Анонс некоторых книг... И разрешение афишировать тот факт, что я сотрудничаю с вами. Не более того.

— Вы сможете подобрать для сотрудничества таких людей, которые попросят у меня не более этого?

— Да, миледи, — улыбнулся он.

— Скажите, — вдруг поменял тему разговора наследник, — а что нужно, чтобы талантливая художница стала успешной?

— Это вы про картины госпожи Блер, которые я выставляю в своем магазине? — догадался Мирров.

Брэндон кивнул.

— Понимаете, покупатели хотят видеть не только красивые картины, но и волшебное, легкое, воздушное существо, что их пишет. А госпожа Блер, при всем моем восхищении ее творчеством... — Владелец книжного магазина замялся.

— Выглядит не так...

— Художник — это тот, кто вхож в дом. Вот вы, миледи Вероника, что подумали, когда ее увидели?

— Мне захотелось ей помочь, — резко ответила я.

— Вы — необычный человек, миледи, — поклонился он мне.

— Так что надо сделать? — быстро спросил наследник.

— Сделать так, чтобы она чувствовала себя в безопасности. — В моем голосе была злоба, но мужчины не обратили на это никакого внимания.

— Для начала — студия. И что-то приличное, не ее клоповник.

— Это понятно, — кивнул Брэндон.

— И ее статус...

— А что не так с ее статусом? — спросила я.

— Женщина в империи должна быть при мужчине. Или дочь, или сестра, или жена, или...

— Получается, что у госпожи Блер должен появиться знатный покровитель? — быстро спросил наследник.

— Если вы хотите оскорбить девушку, продолжайте в том же духе, — поднялась я. Мужчины были вынуждены прерваться и повторить мой маневр.

На этом мы распрощались с господином Мирровым, который развел руками и пожал плечами так, как делают в нашем мире колоритные одесситы, и отправились в поместье Ричарда.

— Почему вы разгневались? — спросил у меня наследник.

Только хмуро посмотрела на него. Вот как объяснить имперцу, что зеленое — это не мокрое? И что есть вещи, которые делать не следует?

Когда мы перенеслись в поместье, нас встретил встревоженный Джон Адерли.

— Миледи, — обратился он ко мне, игнорируя наследника. — Госпожа Джулиана... как ушла утром — так еще и не возвращалась.

— Почему мы не обратились к розыскникам? — спросила я у Брэндона, выходя из портала. — И не взяли охрану?

— Зачем? — Наследник изумительным образом игнорировал свои же собственные распоряжения.

Посмотрела на него насмешливо.

— Со мной-то вам ничего не грозит! — возмутился он. — Это вы сами по себе беззащитны.

М-да... Похоже, здесь про то, что правила едины для всех, слыхом не слыхивали... Дикие они. Имперцы.

— Пойдемте скорее, Джулиана где-то неподалеку. Она порталы строит замечательно. Если начнет прыгать, чтобы уйти... — И Брэндон помрачнел.

— Где мы вообще находимся?

— Роттервик, — огляделся наследник. — Бедные кварталы.

Молодой человек произнес это смущенно и тихо, как бы извиняясь за то, что в империи существуют-таки бедные кварталы.

Я огляделась. Низкие, маленькие, но добротные сделанные домики из цельного сруба. Кольца деревьев имели форму не круга, как у нас, а звезды. Смотрелось очень красиво. Сам ствол тоже был ребристым и напоминал шестеренку.

Я не стала ничего уточнять, так как давно уже привыкла к тому, что флора империи удивительна и разнообразна. И только каждый раз вздыхала, ругая себя за то, что так и не добралась до атласов с растениями. А они в императорской библиотеке были, я видела! Лежали на верхней полке — огромные такие свитки. С картинками. И наверняка к каждому растению и магическая составляющая, и легенды, с ними связанные... Эх!..

Удивило также и то, что бревна были явно обугленные — все.

— Дома горели? — спросила я.

— Нет, конечно. Их специально обжигают.

— Зачем?

— Тикуны.

Ну... вот и поговорили. «Тикуны» — что ж тут непонятного-то? Ладно, будем считать, что это что-то вроде вшей, клопов или тараканов — кварталы-то бедные. Мы, не торопясь, шли по узкой улочке. Честно говоря, если уж начистоту, то «край бедности» по имперским меркам отвращения у меня не вызывал. От обожженной древесины почему-то сладко пахло корицей, весна была в самом разгаре. По обочине росли цветочки, по форме напоминающие наши маргаритки, — розовые и нежно-фиолетовые. Одна маргаритка была синяя — синяя-синяя! Я наклонилась, потрогала мягкие лепестки, и...

— Аааааааааааааааа!!! — Слева из кустов что-то выскочило и... откусило головку синей маргаритки! Глазки-бусинки внимательно смотрели на меня, а челюсти меланхолично жевали... мою маргаритку. Зверек был забавный — очень похож на крысу, только с пушистым хвостиком. А вот мордочка была наоборот, лысая и непривлекательная. Секунда — существо вспыхнуло и исчезло, оставив на траве два ярко-синих лепестка.

— Брэндон! Кто это? И почему оно исчезло?

— Это дагги. Насколько я знаю — нечто подобное есть во всех существующих мирах.

Вот, например, в вашем мире есть маленькие зверьки, которые водятся там, где бедность, грязь, отходы и болезни?

— Есть. Крысы. — Я поежилась. — А эти тоже переносят всякие болезни?

— Да, но вам ничего не грозит — я же его сжег!

— Сжег?! — Я вспомнила голубую шерстку с оранжевыми пятнышками. Фиолетовая морщинистая кожа на мордочке, правда, оставила не самое приятное впечатление, но все равно стало как-то не по себе.

И тут мы услышали, как чей-то хриловатый, безжизненный тихий голос проговаривал как заведенный:

— Яся... Такая девочка хорошая. Понимаете... Такая... девочка...

— Простите, что я вас побеспокоила, — раздался голос Джулианы, непривычно мягкий.

Она стояла на пороге какого-то дома — те же обугленные бревна, из щелей треснувших ступенек покосившегося крыльца выбивались пучки серой травы и несколько тех самых цветочков, которые я окрестила «маргаритками». Что-то маленькое и пушистое, на этот раз ярко-оранжевое, шмыгнуло из приоткрытой двери и скрылось под крыльцом.

Женщина, с которой разговаривала журналистка, была уже немолодая. А может, просто выглядела так? Худая, сгорбленная, в шерстяном сером платье, черных перчатках без пальцев и выцветшем платке непонятного оттенка. У ее ног стояла деревянная кадка с огромными лопухами на мясистых стеблях с красноватыми прожилками. Я отметила, что одеты Джулиана и эта женщина были практически одинаково. Смотрелось очень органично, но мне это не понравилось. И Брэндону, кажется, тоже.

— Старшая моя... музыке училась, у маэстро Зорго Цума. Мой отец еще был жив, дед ее. Дудочку ей на день рождения сделал. Маэстро Цум отца уважал. — В голосе женщины были и гордость, теплота, и... горе... — Понимаете... Нам не положено толком учиться, но моя девочка была настолько талантливой, что... маэстро Цум взялся ее учить, в память о моем отце.

— А... ваш отец? — тихо спросила Джулиана.

— Он делал инструменты. Деревянные. Дудочки, воги, айлы... А прадед, мой дед, был настройщик. Так он рассказывал, будто его дед настраивал рояль у самого императора, во дворце. — Женщина говорила машинально, смотря перед собой мутным взглядом, ни к кому особо не обращаясь. — А Яся... Ясенька... она... простите... простите меня...

Слезы текли беззвучно, а в легких просто не осталось воздуха от судорог, вызванных рыданиями. И от этого беззвучного плача стало жутко и страшно. Я зачем-то вспомнила мальчишек — холод сковал позвоночник, перехватило дыхание и захотелось немедленно вернуться и узнать, где все: мама, отец, мальчишки, Ричард...

— Его найдут, — уверенно и сурово сказала Джулиана, — найдут и убьют.

Женщина отрицательно покачала головой:

— Кто ж искать-то будет? Кому мы нужны?

Тут наследник отмер и решительно направился вперед.

— Я обещаю вам, что виновник будет найден, — склонил он голову перед женщиной...

— Она ведь платья синие никогда не носила... Их же вообще никто не носит...

Похоже, женщина так и не поняла, что перед ней появился еще кто-то. А я... Я позвала Ирвина. Вот с ним у меня получалось связаться всегда. Целитель появился и прогнал нас.

— Вас к этой несчастной зачем понесло? — строго спросил у подавленной Джулианы наследник.

Тут Ирвин посмотрел на нас недовольно — и нам сразу захотелось испариться. Мы, не сговариваясь, зашагали по дороге. Шли довольно долго, в полной тишине — каждый думал о своем. Наконец мы дошли до реки, разрезающей город надвое. Она величественно и неторопливо текла из вчера в завтра, смывая все: и скорбь, и радость. Первой молчание нарушила Джулиана:

— Я дала себе слово. Если соберусь писать о чем-то, то всегда буду проверять информацию. Лично. Всегда.

Девушка смотрела на воду, крепко обняв себя за плечи, вцепившись пальцами чуть выше локтя так, что побелели костяшки. Ветер с реки развевал вьющиеся, длинные, неухоженные волосы, трепал подол серого шерстяного платья, которое было ей велико — линия плеча на рукавах съехала, и они почти полностью закрывали кисть. Удивительно, как ей удавалось в таком виде быть совершенно неотразимой! Она была прекрасна: огромные зеленые глаза на бледном лице, медный отлив волос, будто нарисованные брови, длинные пушистые ресницы и маленькая трогательная родинка над верхней губой слева.

Я залюбовалась Джулианой, забыв обо всем, — но тут увидела выражение лица Брэндона и вмиг спустилась с небес на землю. Я говорила, что залюбовалась Джулианой? Можете себе представить, что было с несчастным принцем...

— Зачем вы сбежали? — Брэндон нашел в себе силы очнуться.

— Ничего я не сбегала, — огрызнулась девушка. — Я отправилась работать. Если, конечно, вам известно значение этого слова.

— Не ругайтесь, — попросила я. — Не надо.

И они, разом кивнув, замолчали.

* * *

Когда мы оказались дома, Джон доложил, что миледи Журавлева еще не появлялась, зато нас почтил своим визитом его величество император Тигверд.

— Покормить мы его покормили, — успел шепнуть бывший солдат, — но...

— Я желаю побеседовать со всеми троими, — недовольно процедил Фредерик, появляясь в холле. — В кабинете Ричарда.

Брэндон выглядел раздосадованным, Джулиана испуганной. А мне было любопытно: что стоит за этим выступлением? Тревога за то, что нас понесло куда-то не туда — да еще и без охраны? Или же тревога, что наследнику понравилась совсем уж неподходящая девушка?

— Итак. — Император решительно уселся за огромный стол Ричарда. Мы трое остались стоять, как двоечники на приеме у строгого директора. — Когда я отправлял Брэндона вам помочь, Вероника, я и не думал, что все пойдет так далеко.

Я посмотрела на императора с изумлением. Наследник, конечно же, промолчать не мог и съязвил:

— Конечно же... Я же вышел из покоев во дворце — и хоть кого-то увидел, кроме стен.

— Миледи Вероника, — проигнорировал высказывание Брэндона отец. — Я требую, чтобы вы навели порядок среди ваших подопечных!

Я вздохнула, но промолчала, надеясь, что сейчас император проворчится и уймется. Ага. Сейчас.

— Я требую, чтобы вы оградили наследника от общения с теми людьми, — и Фредерик

злобно уставился на Джулиану, — что не подходит ему по положению!

Кивнула. И нежно попросила, пытаясь не начать фразу со слова «дети»:

— Вы позволите нам поговорить с его величеством наедине?

Молодые люди поклонились и вышли. Не дожидаясь согласия императора.

Фредерик хранил гордо-злое молчание. Я дождалась, пока закроется дверь, дошла до ближайшего кресла и уселась.

— Чем больше вы будете давить, тем сильнее будет сопротивление, — сказала я ему.

Недовольное молчание в ответ.

— А будете обижать девушку, да еще и несправедливо, будет у вас семейный бунт.

Опять молчание.

— И вообще, вот чего вы хотели добиться этим демаршем?

— Вы же понимаете, что все происходящее между этими двумя — нелепо, — горько сказал Фредерик.

— Послушайте, — я посмотрела ему в глаза, — всю неделю у нас было тихо и спокойно. Все занимались делом. Конечно, Брэндон достаточно много времени проводил в обществе Джулианы, ему было интересно. Но не более. Наследник сопровождал ее, когда она собирала материал для статей, они обсуждали то, что девушка собиралась написать. Принес ей что-то написанное. Они шушукались потихоньку, пока она правила и показывала, как лучше. Все.

Император покачал головой.

— А потом случились эти поздние вызовы Джулианы во дворец. Вот зачем? Вам стало легче от того, что вы унизили хорошую, правильную девушку? — Палец сильно обожгло. Так сильно и неожиданно, что я не успела это скрыть — дернулась и посмотрела на перстень. В камне мерцали синие искорки... Император тоже смотрел на камень, но думал при этом о чем-то своем. А потом проговорил:

— Девчонка так рисует, что мне кажется — она видит Милену, яблони в цвету, замок... Видит, рисует — а этого уже нет. И никогда не будет!

— Фредерик... — беспомощно проговорила я.

— И я не хочу, чтобы у Брэндона судьба сложилась так же. Неподходящая женщина. Неподходящие отношения. И будущее — которого нет. И чем сильнее ты пытаешься обмануть себя, убедить, что все получится...

Он поднялся, отошел к окну, повернулся ко мне спиной.

Что тут скажешь... Пока я пыталась подобрать слова, чтобы хоть как-то утешить его, прекрасно понимая, что таких слов в природе не существует... Он повернулся ко мне — спокойный, уравновешенный.

— Простите мне минутную слабость, — чуть ироничный поклон.

— Ничего...

— Я распорядился, чтобы госпоже Джулиане организовали мастерскую неподалеку от вашего с Ричардом столичного особняка.

— Спасибо.

— У девушки несомненный талант. А мне не стоило ее компрометировать — вы правы.

Склонила голову.

— И передайте вашей воспитаннице...

Я заинтересованно ждала, что его величество выскажет еще.

— ...что ее работу в столичном приюте для брошенных детей никто не отменял. А то она увлеклась и статьями, и картинами, а про долг государству — забыла.

— Я прослежу, ваше величество.

— И еще... Я не желаю, чтобы вы занимались расследованием гибели женщин в синем, — резко сказал император.

— А я не...

— Вероника, для вас этого дела не существует!

— Но новость об этом будет в газетах. И мы в «Имперской правде» не можем обойти ее вниманием! Сегодня среда — ночью четверга у нас должна быть статья об этом!

— Пусть журналистским расследованием занимается кто угодно. Только не вы.

— Хорошо.

— Передайте госпоже Джулиане, что я приду в ее мастерскую в наше обычное время — и мы продолжим. С вашего позволения, я откланяюсь.

И император Фредерик удалился через выстроенный портал.

А я вышла из кабинета и отправилась посмотреть, кто чем занят.

Мама еще не появлялась, отец тоже был на службе. Такое впечатление, что он был там все время.

И, кстати, добиться от него, чем он занят, не представлялось возможным.

Наташа ушла гулять с Флоризелем.

Джулиана что-то быстро писала в гостиной, Брэндон тоже строчил в блокноте.

Я сообщила молодым людям новости. Отреагировали они как-то странно: Брэндон разозлился, Джулиана покорно кивнула.

— Радоваться надо! — проворчала я. Потом плотоядно посмотрела на наследника:

— Ваше высочество... Время идет!

— Да, — меланхолично заметил он. — Время — это такая философская категория, которая...

— Я про то, что у нас для журнала ничего не готово, — невежливо перебила наследника.

— Почему же ничего? — поднял на меня глаза молодой человек. — И колонку рукоделия миледи Луиза подготовила. И...

— Пожалуй, что и все. Фотографа нет — а разговор был две недели назад. Вашего интервью — нет. Приближенные его величества скрываются от меня, никто не хочет отвечать на вопросы.

Наследник скривился.

— И самое любопытное — пока объясняешь, что такой журнал необходим: все кивают, соглашаются и прямо жаждут помочь. А потом — скрываются!

— Я вот не скрываюсь! — обиделся Брэндон.

— И мы восхищаемся вашей беззаветной храбростью! — на полном серьезе заявила я. Похоже, перестаралась — Джулиана хихикнула, а принц нахмурился.

— Брэндон, пожалуйста. Я вас умоляю!

— Вы ведь все равно будете выпускать журнал сплетен?

— Буду!

— И на ваши вопросы придется отвечать?

— Ваше высочество, это не больно!

— Но противно.

— Брэндон, но то, что придумывают, — это еще хуже.

— Ладно, — величественно согласился принц. — Задавайте вопросы.

— Джулиана! — скомандовала я.

— Ваше высочество, — тут же отозвалась журналистка, — а чем вы любите заниматься?

— В каком смысле? — напрягся принц.

— Есть вещи, которые вам делать положено. Например, Военная Академия. Или развитие магии. А что вам нравится как человеку?

— Это уже для статьи? — насмешливо посмотрел на Джулиану принц.

— Именно, — кивнула она и показала, что у нее в руках карандаш и блокнот.

— В большинстве своих предпочтений я зауряден. Люблю вкусно поесть. А больше всего — выпечку.

Я про себя хмыкнула — это у них, видимо, семейное.

— Люблю фехтовать. Особенно с Ричардом, моим старшим братом. Люблю играть в шахматы. Это уже с отцом.

— А что вы любите из необычного?

— Делать фейерверки.

— И вы покажете, как вы это делаете?

— А вам правда это интересно? — нахмурился отчего-то принц.

— Мне вообще интересны люди, — отозвалась Джулиана.

— Особенно в ваших разоблачительных статьях, — не сдержался Брэндон.

— Давайте работать! — остановила их, снова чуть не добавив «дети». Но в последний момент сдержалась. — Ваше высочество, а что бы вы могли рассказать о себе?

— Тоже под запись?

— Мы не опубликуем ничего без вашего одобрения. И без одобрения его величества.

— Я хорошо схожусь с людьми, мне они интересны. — Он насмешливо взглянул на Джулиану. — Мне нравится общаться с теми, кто меня в чем-то превосходит. Кто меня в чем-то сильнее.

— А какая у вас мечта?

— Я всегда хотел путешествовать. Просто без цели. И делать это, пожалуй, так, как делает отец. Он ведь настраивает портал между мирами таким образом, чтобы не знать, где окажется.

«Надо посоветоваться с Крайомом, — вспомнила я про начальника охраны. — Можно давать подобную информацию или нет».

— А у вас в империи есть любимое место? — спросила Джулиана.

— Море. Я всегда любил побережье.

— Ваше высочество, а можно просьбу? — быстро сказала я, прижимая руки к груди.

— Какого рода? — настороженно спросил принц.

— Ну вот, — расстроилась я. — А батюшка ваш обычно отвечает: «Все что в моих силах».

— Мне у императора еще учиться и учиться. Вроде бы по смыслу то же самое, а как звучит!

— Итак, ваше высочество?

— Все что в моих силах! — ответил принц и романтично приложил руки к груди.

— По-моему, вы немного переигрываете, мой принц, — нахмурилась я, а Джулиана хихикнула и кивнула.

— Миледи Вероника! — в шутовском отчаянии возопил принц.

— Понимаете, нам надо много фотографий. Разных. И не только в кабинете.

— А где еще? — с тоской отозвался Брэндон.

— На прогулке, — стала перечислять я, — в Академии, в форме. И на фоне замковых стен. Верхом. Когда вы будете фехтовать. Танцевать.

— С вами? — ехидно заметил принц.

— Э, нет. Это лишнее. Мне хватает тех сплетен, что у нас есть.

— Вы же понимаете, что фотоаппаратов в вашем понимании в империи Тигвердов просто нет.

— Брэндон, — укоризненно сказала я. — Разговор о том, что в журнале нужны хорошего качества изображения, был две недели назад. И я не поверю, что до сих пор никто не сообразил, как их раздобыть. Я могу, конечно, обратиться к милорду Швангау...

Принц скривился, услышав имя верховного мага империи, и сказал:

— Будет вам фотограф.

— И, с вашего позволения, завтра мы и начнем, — строго сказала я, подумав, что иначе мы никогда с места не сдвинемся.

— Миледи, вы — просто сущий кошмар! — вырвалось у наследника.

— Посочувствуйте вашему брату, — рассмеялась я. — Завтра — съемки во дворце. И договоритесь, чтобы его величество и ненаследный принц Тигверд присутствовали. А еще члены вашей боевой пятерки.

Тяжелый вздох.

— Не печальтесь, изображения получатся отменными. Завтра бы еще отснять ваше любимое место на побережье. Потом Академия и танцы... Вы — верхом. И... пожалуй, что и все.

— А фейерверки? — вдруг тихо спросила Джулиана.

— Ника, — сказала мама. — Нам надо поговорить.

Папенька, с которым они вместе зашли в дом, важно кивнул.

Вообще после переезда в империю родители стали выглядеть как-то моложе. Энергичнее. Чистый имперский воздух, волшебные общеукрепляющие настойки великого Ирвина, отсутствие финансовых проблем — все это пошло им на пользу. И если мама и раньше была «спортсменка, комсомолка, просто красавица», то папа последнее время стал сдавать — давление, лишний вес. А тут, в империи, он был нужен, полезен, заинтересован в происходящем. Его ценили на службе, маму — в издательстве, и у них открылось второе дыхание. Горели глаза, как в молодости, и мне кажется, вся эта история их заново сблизила. Они столько пережили.

Из-за меня...

— Хорошо, — ответила я. — Пойдем в кабинет.

Видимо, день такой. Кабинетный.

— Доченька... Мы попали в этот мир, — начала мама, — и нам тут нравится. Теперь надо подумать, как мы будем устраивать свою жизнь дальше.

— Согласна, — вздохнула я.

— У нас с отцом есть к тебе вопрос... Только постарайся не злиться.

Ну вот что мне остается делать... Только рассмеяться.

— Слушаю. И стараюсь.

— Ника... Вот скажи, а что ты думаешь делать с Ричардом?

Я покачала головой. Действительно, хороший вопрос.

— Замуж я не собираюсь — если вы об этом.

— Но ты живешь с ним в одном доме.

— Спишь с ним в одной кровати, — вмешался папа.

— Ага, ем из одной чашки, — вспомнила я «Трех медведей». — И сижу на его стуле.

— Ника! — хором возмутились родители.

— Вот император Фредерик — умный. Он сам на эти животрепещущие темы со мной говорить не рискнул — вас отправил.

— Ты же историк, — нахмурилась мама. — И должна понимать, что так вызывающе противопоставлять себя обществу не стоит. Тем более такому своеобразному, как империя Тигвердов.

— Это не говоря уже о том, что у Фредерика и так проблемы с аристократией, — заметил отец.

— Вот и пусть их решает. С твоей помощью, — резко ответила я. — У тебя самого пиетет перед высокородными особями отсутствует как класс. Вот и будет чем заняться, вместо того чтобы лезть в мою личную жизнь!

— Ника, — укоризненно посмотрела на меня мама.

— Мне в столице выделили особняк, — спокойно проговорил отец. — Мы съездили, посмотрели. Он, конечно, поменьше, чем этот дом, но все же... Значительно больше всего того, к чему мы привыкли. Я предлагаю пока перебраться туда. Заодно ты и решишь, чего хочешь.

— А с Наташей что?

— Я ей предложила поселиться пока с нами, там все равно места очень много. Она согласилась.

— А Джулиане подобрали мастерскую в столице. Неподалеку от нас.

Родители посмотрели на меня удивленно.

— В смысле, неподалеку от городского дома Ричарда, — поправилась я.

— В любом случае, — заметила мама, — если мы хотим серьезно заниматься газетой, то надо перебираться в город.

— Когда вы будете переезжать?

— Завтра, — ответил отец. — Что тянуть?

— Я дождусь Ричарда. И поговорю с ним, — решила я. — Кроме всего прочего, есть вопросы безопасности.

— Есть, — кивнул отец и внимательно посмотрел на меня.

А мама гневно сказала:

— Прекращай уже со своим подростковым бунтом! Женщину в синем кто-то же убил!

— Мне сказали, что девушка синего отродясь не носила.

— Ее переодели, — подтвердил отец.

Мы с мамой вздрогнули.

— Рит, у нашей дочери хорошая серьезная охрана. Я разговаривал с командиром, он утверждает, что все предусмотрено. Только... Ника, не смей сбегать. Ты можешь передвигаться по городу, но порталами — только в сопровождении охранника. Или кого-нибудь из имперцев. И ставь в известность о своих передвижениях!

— Хорошо.

— И не выматывай нервы службе безопасности! Они тоже люди. Служат.

На этом мамином замечании я и удрала к себе в комнату. Переоделась после душа в джинсы и футболку — хватит с меня синих платьев! И уставилась на картину Джулианы.

Каждый раз, когда я смотрю на эту работу, становится легче дышать. Что-то рождается в районе солнечного сплетения и белой бабочкой летит туда, в окно, едва задевая прозрачным крылышком ярко-синие лепестки полевых цветов.

Свое присутствие в поместье Ричарда я воспринимала во многом как... возвращение домой, что ли... Как само собой разумеющееся. А ведь действительно. Я не экономка. Не хозяйка. И не невеста.

Мда... Безусловно, мама была права. И если нам пришлось остаться в этом мире, то какие-то правила поведения стоило бы соблюсти. Хотя бы внешне. На самом деле, наверное, поздно. После всех тех сплетен обо мне, что я — любовница бастарда его величества, открыто живущая в его доме. Дамы высшего света сегодня откровенно выразили свое отношение. И я не думаю, что оно как-то изменится.

Кстати, а что делать с балом в честь дня рождения наследника, на котором я по воле императора Фредерика должна была присутствовать? А теперь еще и отец служит при дворе. Следовательно, и на него будут коситься... Хотя папенька мой, после опыта выживания в структуре КГБ, а потом и ФСБ, да еще и в не лучшие для страны годы... В общем, я так думаю, он справится, конечно. Но осознавать, что я доставляю родителям неприятности, было горько...

Вздохнула. Прислушалась. Посмотрела на часы — дом, похоже, спал. Взяла пачку бумаг: статьи, которые мне оставили для согласования, — и пошла в гостиную. Заодно и Ричарда дождусь.

Уселась у камина на полу, разложила бумаги. Всего на секунду отвлеклась взять диванную подушечку, чтоб удобнее было, как две толстые лапы уже подобрались к моим материалам!

— Флоризель! Морда ушастая — фу!

Щенок посмотрел прямо в глаза. Да что там в глаза, прямо в душу заглянул — жалобно, грустно и с укоризной. Мол, надо же мне хоть чем-то играть! Хоть с кем-то. Хоть когда-то...

Всем я сегодня не угодила, все решили меня сегодня стыдить! И за моральным-то обликом наследника не уследила, и о своем не подумала, и с бедной собачкой не поиграла, да?

— А ну иди сюда... Иди сюда, говорю! Морда... — Я сгребла Флоризеля в охапку, прижала к себе. Теплый, милый... мой!

Песик рос не по дням, а по часам, и это немного расстраивало. Он был таким очаровательным щенком! А сейчас вытянулся, стал крупнее. И так как до поведения взрослой, умной, воспитанной собаки было еще ох как далеко, этот монстр крушил все, что было в поле зрения. Пришлось принести еще бумаги, скрутить несколько «шуршалок» и разбирать статьи, отвлекаясь на мохнатого ребенка.

Так... Что тут у нас? Это — от Луизы. Колонка по рукоделию — вышивка крестиком. Красиво. Ничего в этом не понимаю... Но написано увлекательно. С энтузиазмом. Прямо захотелось взять в руки иголку, нитки и заняться. Замечательно. И картинки красивые. Интересно, она сама их рисовала?

Вообще, чем дольше длилось наше общение с баронессой Кромер, тем большее восхищение она у меня вызывала. Делала она все с удовольствием, хорошо и в срок. Единственная из всех, между прочим. А ведь у нее была еще и подготовка к свадьбе...

Я написала в блокнотике, что третий или четвертый номер журнала надо посвятить свадьбам. И красиво, и всем нравится, и... материалы со свадьбы Луизы можно использовать. Интересно, при таком раскладе от меня скоро все скрываются начнут по подвалам?

Отодвинув любопытный собачий нос, взяла следующую папку. Вот эта статья — неизвестно от кого. Наверное, от каких-то новых журналистов, которых, видимо, отобрала мама. Так. Обзор ресторанчиков. Где лучше провести свидание. Интересно, а что у нас с заказными статьями? В смысле, с рекламой? Кто за это деньги брать будет? Скорее всего, работник пера не просто так хвалил одни места, где можно свидание проводить, и ругал другие. Надо поговорить с Джулианой. И без фотографий, на мой взгляд, материал казался мало интересным.

Так... Это опус Наташи. Они с мамой корректировали текст под имперские реалии. Что тут у нас?

— Ты не спишь? — подошел ко мне Ричард.

Я и не услышала, как он вернулся.

— Тебя жду, — улыбнулась я ему. — Ты голодный?

— Нет, военные после того, как ты высказала свое недовольство, следят, чтобы я хорошо питался.

— Когда я высказывала свое недовольство?

— На том самом совещании, которое ты разогнала.

— Не помню.

— Ну, пока офицеры отступали из кабинета, ты не только целовала меня, ты еще и гневалась. И фразу о том, что кто-то же должен следить, чтобы командующий был сытый,

услышали.

Он опустился рядом со мной на ковер, не обращая внимания на бумаги. Я поспешно убрала бумаги. Сначала спасла чужой труд, а потом уже стала целоваться...

— Ты зачем джинсы надела? — проворчал имперец.

— В них на полу валяться удобнее.

— Мне они не нравятся!

— Под платье залезать удобнее?

— Именно.

— Полный дом народу, — проворчала я, когда он потянулся, чтобы расправиться с очередным моим комплектом одежды. Решила для себя, что любимые джинсы на растерзание этому варвару я точно не отдам!

— И что же нам делать? — промурлыкал он.

— Хотя бы отправиться в спальню.

Он рассмеялся, подхватил меня на руки — и понес к себе. Получилось так, что на этой половине дома, которую я называла господской, он был один.

И опять все завертелось перед глазами, словно он поставил себе целью свести меня с ума.

— Я ставлю полог тишины уже на рефлексе, — рассмеялся Ричард, когда я зажала себе рукой рот, чтобы не кричать от наслаждения. — Перестань.

— Я тебя люблю, — потянулась я к нему.

— Ника... — все же начал он серьезный разговор, как только мы чуть пришли в себя. — Со всем этим что-то надо решать.

— Мне об этом сегодня говорила мама. Она предлагает переехать в дом, который предоставил отцу император.

— А чего хочешь ты? — глухо спросил Ричард.

— Я хочу ни о чем не думать. И ничего не решать.

— Ты же понимаешь, что так не получится.

— Хорошо, а что предлагаешь ты? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

И Ричард немедленно ответил — с удивительно довольным видом, словно ждал этого вопроса:

— Я предлагаю тебе руку, сердце и все, чем я владею.

Мне оставалось только посмотреть на него укоризненно.

— Ника, почему?

— Может быть... Я просто боюсь.

— Ты думаешь, мне не удастся тебя защитить?

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Все неприятности между нами начинаются с твоей фразы о том, что нам надо пожениться. А уж если я отвечаю согласием, то и вовсе начинается светопреставление. Ричард, я так больше не могу. Это настолько больно, словно часть меня умирает...

Он нахмурился, но промолчал. Потом сказал:

— У Паши сегодня открылись способности мага огня.

— Что?! И ты говоришь мне об этом только сейчас, Ричард! — Я вскочила с кровати, зачем-то стала одеваться, раскидывать вещи...

— Любимая, успокойся. Успокойся, пожалуйста, с ним все в порядке, слышишь? — Он усадил меня к себе на колени.

— Ричард... Но... Как же это? Это не опасно?

— Это прежде всего удивительно, — потер лоб Ричард. — Все произошло так, словно он мой сын. По крови, понимаешь? Просто способности проявились не в детстве, а в подростковом возрасте. И... у него сила — вполне сопоставимая с моей.

— «Как вы лодку назовете — так она и поплывет», — процитировала я мультик про капитана Врунгеля.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же назвал его Рэ — с самого начала. И все подумали, что это твой внебрачный сын. Видимо, Вселенная решила пошутить.

— Тогда мне нравится ее чувство юмора.

— Слушай, а с ним правда все в порядке?

— Да. Феликс был рядом. Рэм, Алан и молодой Борнмут. Они помогли — он особо не пострадал.

— Ричард! — вскочила я. — Что значит «особо не пострадал»?!! Обгорел? Или...

— Ника... — Этот невозможный мужчина лениво и как-то плотоядно смотрел на меня. — Пострадала полоса препятствий. Сильно. Точнее, восстановлению она не подлежит. Еще бюджет Академии — ее придется отстраивать заново. Немного — живот Гилмора.

— А с исполняющим обязанности ректора Академии что случилось?

— Смеялся много.

— У вас какие-то странные представления об обучении, технике безопасности... и юморе тоже.

— Просто он помнит, что последний, кто эту самую полосу препятствий извел, — это я.

— Ты?

Ричард гордо кивнул.

— В молодости. Я хотел, чтобы меня отчислили, — решил, что не останусь в империи. И демонстративно все спалил.

— Слушай, а вот какое ты имеешь моральное право строить детей, если сам что только не творил?

— Зато я знаю, что могут натворить кадеты. И догадываюсь, как этого избежать. Ну или как наказать, чтобы прониклись.

Я покачала головой и потребовала:

— Мне надо увидеть сыновей. Немедленно.

— Хорошо, — не стал спорить Ричард. — Один вопрос: ты так отправишься в Академию? Или все-таки накинешь что-нибудь?

Мы заявили, видимо, в достаточно неподходящее время: когда Ричард постучал в дверь, то сначала послышалось сдавленное ругательство — сразу из нескольких плотов. Бывший кадет этой самой Академии понимающе усмехнулся, внимательно посмотрел на меня и негромко сказал:

— Павел, мама пришла.

За дверью что-то громыкнуло.

Принц Тигверд под моим суровым взглядом подавил усмешку. Я хотела ему сказать, что...

Но тут дверь открылась.

Пашка был... такой милый, такой сонный... Алкоголем вроде не пахло, сигаретами тоже, чужими духами — я повела носом, как заправская собака... тоже нет.

— Мама! — жизнерадостно поприветствовал меня сын. — А мы... скучали!

Тут из-за его плеча выглянули Рэм и Феликс. С исключительно радостными физиономиями.

— Мамочка! — хором сказали они.

Ричард уже не мог сдержаться и всхрюкивал у меня за плечом.

— Я... — промямлила, чувствуя себя... глупо. — Беспокоилась. Ричард сказал, Паш, что у тебя открылись способности огненного мага.

— Да, как у отца, — выпалил Паша. И смущенно посмотрел на меня и на Ричарда.

Я хотела обнять его, но не решилась. Еще открою дверь — и узнаю что-то, что порушит мой сон на многие-многие месяцы вперед.

— Ждем на выходных. Спокойной ночи, — сказал Ричард, утаскивая меня в портал.

Оливия помогала мне собираться во дворец, но посматривала на меня при этом как-то странно.

— Что? — Я оглядела себя в зеркало.

Платье цвета грозových сумерек чуть измененного покроя — талия на месте, рукава не присборены. Все это делало меня стройнее, что очень радовало. К тому же этот оттенок прекрасно сочетался и с кожей, и с цветом волос. Последние я разрешила Оливии уложить по последней имперской моде — со всеми вытекающими.

— Что-то не так, Оливия?

— Миледи... — решила служанка. — Вы же здесь хозяйка. И милорд — он же пылинки с вас сдувать готов. И свадебное платье... Его же сшили. И...

— Стоп! Ты, Оливия, тоже агент императора Фредерика? Операция «свадьба»? Так это у вас называется?!

— Служу империи Тигвердов! — бодро отрапортовала она.

— Сговорились вы все, что ли...

— Но мы ж от души!

— Вот не было бы этой зимы, — вздохнула я, — конечно, я была бы здесь хозяйкой. А так... Прости, Оливия. Я спешу.

— Но ведь милорд пострадал от чужого, злого колдовства! Он не виноват, и... что ж теперь?..

— Не знаю, — ответила я.

Карета везла нас в столицу. Джулиана сидела напротив и выглядела сногсшибательно.

Вместо того чтобы в сотый раз попытаться объяснить девушке, что ее страсть выглядит как бомж — следствие душевной травмы в тяжелые годы, мы с Луизой решили поменять стратегию. И у нас получилось! Вечером мы собрались и как бы между прочим затеяли разговор об имидже, который каждая из нас будет сохранять во имя популярности. Я ношу синие платья, Луиза — верх совершенства, и Джулиане тоже нужно выбрать что-то свое.

Слово «свое» было ключевым, и это сработало. Художница сделала несколько набросков, съездили к моей любимой портнихе, и пару недель спустя девушка обзавелась несколькими платьями по собственным эскизам — для работы и на выход. Выглядело это строго, целомудренно (на мой взгляд, даже слишком), но при этом невероятно элегантно и стильно. Воротник-стойка, длинные, лишь чуть-чуть присборенные у самого плеча узкие рукава неизменно доходили до середины пальцев. Торжественные выходы, вот как сейчас, дополнялись тонкими перчатками в тон платья. Цвета были преимущественно темными.

Что касается прически — тут журналистка выступила настоящим новатором, с претензией на свержение принятых в обществе стереотипов. Свои роскошные с медным отливом волосы девушка уговорила Оливию убрать назад и уложить в замысловатую композицию из кос разных размеров и плетений. Оливия была известная мастерица по плетению, и только эта ее страсть помогла Джулиане добиться своего.

Так что сейчас, мерно покачиваясь в уютной карете, передо мной сидела роскошная красавица. Платье винного оттенка, с тонкой полоской кружев в тон по стойке и внизу рукава, изящные кисти затянуты в перчатки, из украшений — рубиновый гребень в волосах. Но самое главное — было видно, что молодая женщина чувствует себя спокойно, комфортно

и уверенно. И именно этот факт делал ее образ удивительным — ярким, запоминающимся, немного холодноватым и в меру таинственным. Художница о чем-то напряженно думала и вдруг выдала:

— Вы ведь не сказали правды о том вечере, когда принц Брэндон был у вас в покоях, не так ли?

— Не сказала, — подтвердила я.

— И как вы можете, — отвернулась она.

— Ситуация была... очень неоднозначная.

— Я не буду писать откровенную ложь, — нахмурилась любительница правды и страдальца за нее же.

Мне стало смешно. Какая она, в сущности, девчонка... Удивительно талантливая — в ее статьи, как и в ее картины, веришь. Удивительно правильная. И что же ей такое сказать? Подумала и решилась рассказать правду. Хотя до этого всячески собиралась эту самую правду скрывать.

— Он был под заклятием. И должен был по замыслу того, кто устроил все это светопреставление, меня изнасиловать.

— Зачем? — блеснули ее глаза. — Чтобы ненаследный принц Тигверд его убил?

— Возможно. Или чтобы обвинить его в таком преступлении, от которого не отмоешься.

— Получается, что принц... — Джулиана с надеждой посмотрела на меня.

— Тоже пострадал. Кто-то решил дискредитировать самую, пожалуй, популярную фигуру империи Тигвердов.

Наша журналистка размышляла над полученной информацией. А потом спросила — светло и радостно:

— То есть кто-то настолько серьезно противостоит императору Фредерику?

— Именно так.

— С ума сойти... — в ее голосе не было ужаса или смирения жертвы, которая вляпалась во что-то грандиозно-неприятное. Только ненормальный восторг журналистки, которая почуяла сенсацию. — Так это действительно попытка государственного переворота!!!

— Джулиана...

— Да понимаю я! И не напишешь же...

— Не напишешь, — согласилась я, радуясь, что она хоть это понимает. — И никому не расскажешь...

— Так он... — В лице ее вдруг мелькнуло отвращение.

— Нет. Он очнулся. Дал мне возможность убежать и позвать на помощь. А потом смог преодолеть заклятие.

— Но все равно тяжело. Вам. И ему.

— Мы постарались забыть. И перенести нашу ненависть на того, кто в этом действительно виноват. Вот только кто он — мы не знаем. Знаем одно — кем бы он ни был, чтобы навредить империи, для него все средства хороши. Ни морали, ни жалости.

Мы вошли во дворец, где нас встретил мой любимый распорядитель — господин Хормс. Хмурый, но на этот раз почтительный. Видимо, проняло высказывание императора о том, что малейшее неуважение ко мне — и рудники слуге обеспечены. Или моя угроза нарядить всех в оранжевые комбинезоны и отправить улицы мести подействовала.

— Добро пожаловать, миледи Вероника, — поклонился он. И, исчерпав все свое количество вежливости, мазнул недовольным взглядом по Джулиане.

— Здравствуйте, — улыбнулась я ему.

— Вас ожидает... — Он задумался, подбирая слово.

— Фотограф? — попыталась помочь я ему.

— Посланец от милорда Милфорда, — сурово ответил старик.

— Пригласите его.

Молодой человек со штативом в руках, обвешанный кофрами, но в традиционной имперской одежде, и так производил сильное впечатление, а уж недовольным выражением лица и вовсе мог соперничать с самим распорядителем Хормсом.

— Господин Фикс, — представился он мне. И тут же добавил: — Миледи, я надеюсь, это разовая акция? И дальше я смогу вернуться к своим обязанностям. Я служу в контрразведке.

И это все так обиженно.

«Ну Милфорд, ну спасибо!» — подумала я. А вслух проговорила:

— А где вы научились фотографировать?

— В Петербурге, — сурово отвечал мне молодой человек. — Это, конечно, не входит в мои обязанности. Это увлечение. Ваш мир изобилует техническими чудесами. В каждом есть магия, просто слепцы ее и не видят, и не признают.

— Слепцы?

— Так мы называем ваших соотечественников. — Фотограф смутился. — Вы точно так же, как и мы, так же, как жители других миров, живете среди магии. Она вокруг, она в вас самих. Вы с ней сталкиваетесь, вы ей владеете — но почему-то именно в вашем мире большинство людей изо всех сил стараются этого не замечать... Упорно. Но если чья-то душа чуть более восприимчива — эти создания, как правило, попадают к нам или в какой-либо иной мир. Часто — во сне. Это уникальная особенность, миледи Вероника. — Господин Фикс улыбнулся.

Всего на секунду, очень быстро и немного грустно, но улыбка получилась настолько светлой, искренней, она так неожиданно изменила весь образ.

— Господин Фикс, все это очень интересно, и мне бы хотелось когда-нибудь вернуться к этой беседе в менее формальной обстановке. А сейчас необходимо, чтобы вы понимали: обеспечить газету и журнал фотографиями тоже очень важно, — ответила ему я.

И обернулась к распорядителю:

— Господин Хормс, проводите нас к его высочеству.

В недовольном молчании мы стали подниматься по парадной лестнице. Потом шли бесконечными пышными коридорами и залами. Такое ощущение, что распорядитель не к наследнику нас вел, а устраивал экскурсию по дворцу. Чтобы мы прониклись. И знали свое место.

— Миледи Вероника, — окликнул меня знакомый голос.

Широкими шагами к нам подходил начальник безопасности империи Тигвердов.

— Граф Крайом! — искренне улыбнулась я. — Рада вас видеть!

— И я вас, миледи. Рад, очень рад видеть вас в добром здравии, — язвительно отозвался он.

— Позвольте представить вам мою новую помощницу — талантливую художницу и очень профессиональную журналистку — госпожу Блер, — быстро сказала я.

— Очень приятно. — Граф как-то иронично поклонился девушке, она присела в реверансе, просто неприлично пожирая его огромными темно-зелеными глазами.

— Гм... — издала я звук, пытаясь не смеяться в голос.

— Госпожа Блер, если бы я не был безнадежно стар и давно женат, я бы даже смел на что-то надеяться, — серьезно проговорил начальник охраны его величества.

— Что? Я!!! Нет. Простите. — Девочка стала просто багровой.

— Граф! Это профессиональный интерес, — все-таки расхохоталась я. — Джулиана, не переживайте, один из номеров будет посвящен этой загадочнейшей фигуре империи. Вы тогда и оторветесь!

— Оторветесь?! — хором переспросили они и посмотрели на меня удивленно.

— Ну... Отвяжетесь... — попробовала я пояснить, но, кажется, запутала их еще больше.

— Что-то в любом случае мне не нравится, как это звучит, — пробормотал граф.

— А мне так наоборот, — хищно взглянула на него юная журналистка.

— Миледи Вероника! Я буду просить защиты у его величества!

— Он дал мне карт-бланш, — сурово взглянула я на начальника охраны. — Сейчас мы идем к наследнику. Кроме того, интервью и с вами, и с ненаследным принцем Тигвердом будут после того, как выйдет журнал, посвященный его величеству. Вы думаете, он вас станет защищать, сам пройдя через это?

— Вы страшная женщина, миледи Вероника! Я в восхищении! — Граф Крайом взял мою руку и поцеловал кончики пальцев.

— Я польщена, милорд.

— Кстати, я вас встречаю не просто так.

— Не разрывайте мне сердце, граф! Я думала, вы хотели меня видеть.

— Конечно же, я скучал. Когда вы жили во дворце, миледи, здесь было... как-то уютнее.

Я посмотрела на него с укоризной. Джулиана — с таким любопытством, что, казалось, зашевелились кончики ушей.

— Так зачем вы меня встречали? — улыбнулась я. — Ну, кроме того, чтобы повеселиться.

— Может, попенять на ваше поведение, — стал серьезным граф.

— Я... исправилась, — опустила голову.

— Мне доложили, поэтому и ждал вас, не затем, чтобы ругаться. Рад, искренне рад, что вы поняли, насколько серьезно положение. У вас неплохая охрана, миледи Вероника, но все усилия будут напрасными, если вы будете сбегать.

— И сколько же человек вокруг меня?

— Мои гвардейцы, военные главнокомандующего. И, со времени покушения, еще и представители от клана наемных убийц вертятся. На самом деле такое количество охраны излишне. Военные и клановики только путаются под ногами. Но это приказ его величества.

— А военные откуда? — поразилась я.

— Так главнокомандующий Тигверд со вчерашнего дня еще и их приставил.

Я печально покачала головой.

— Зря вы так, миледи, — сообщил мне мой собеседник.

— Понимаю, что зря... Только это все... Как-то...

— Непривычно?

— Душит.

— По-моему, вы преувеличиваете, — отрезал Крайом. — Мои люди работают так, что их и не видно даже.

— Но я-то знаю, что за мной наблюдают.

— Лучше уж они, чем те, кто убил ту бедную девушку...

— В этом вы, безусловно, правы.

— Помните. Я и мои люди — просто тени. Готовые, если придется, закрыть вас собой. Вероника, не надо сбегать. Вы умудряетесь исчезать таким образом, что нам не удается вас отследить. Может, это представляется вам забавным или вы так боретесь за свою свободу... Только в этом глупом порыве вы можете потерять жизнь. Простите, миледи, за откровенность.

— Спасибо. Я только сегодня поняла, насколько все серьезно. И почему это необходимо.

— Рад это слышать.

— Скажите, а если я хочу погулять с собакой... Или переехать? Или пройтись по магазинам?

— Делайте все, что считаете нужным. Охрана подстрахует. Только не исчезайте с помощью вашего артефакта. Или — если это необходимо — вызовите гвардейцев, чтобы они отправились с вами. Можете мне поверить — они не злоупотребят вашим доверием.

— Договорились. — А про себя все же подумала, что будет очень забавно, когда в нашу с Ричардом избушку попадут и охранники...

— Если вы отправляетесь куда-то с наследником или с командующим Тигвердом, — словно прочитав мои мысли, проговорил Крайом, — то вопросы вашей безопасности решают они сами. Охрану предупреждают в таком случае тоже они.

— Убийцу не поймали?

— К нашему удивлению — нет. Поэтому я заклинаю вас! Будьте осторожнее!

На этом мы распрощались, прошли еще несколько поворотов и оказались в крыле дворца, где обитает наследник.

— Я бы попросил вас поторопиться, — недовольно протянул распорядитель, как будто до этого сам не водил нас кругами. — У вас аудиенция у наследника престола. Негоже на нее опаздывать!

Открылись белоснежные высокие, с позолоченными украшениями двери, являя взору мрамор, красное дерево, алый бархат, серебро канделябров и головокружительную перспективу огромных зеркал, в которых все это великолепие отражалось и множилось: алый бархат, красное дерево, золото, серебро, канделябры... принц.

— Миледи Вероника, — изящно поцеловал мне руку его высочество, — очень рад вас видеть!

— Я вас тоже, ваше высочество, — склонилась в положенном реверансе.

— Мы же с вами договорились! Без церемоний, — улыбнулся он мне, сверкнув семейными черными глазами.

— Это дворец на меня так действует, — улыбнулась я. А на лицо наследника набежала тень.

— В смысле приверженности к этикету, — уточнила.

— Спасибо вам. — Брэндон поцеловал мне руку. — А теперь позвольте представить вам мою боевую пятерку.

Он развернулся к построившимся аристократам, которых было почему-то трое.

— Миледи Вероника, вы их знаете и даже один раз спасли от голода...

Джулиана, которая уже забилась в угол и что-то рисовала в альбоме, вскинулась, услышав нечто любопытное.

— Его величество посчитал, что голод и труд — два наиболее действенных средства,

чтобы молодое поколение осознало: драться с друзьями нельзя, — улыбнулся девушке наследник. И добавил: — А миледи Вероника организовала нам ужин.

— И мне бы хотелось, — поспешила добавить я, — чтобы его величество никогда не узнал о порывах моего доброго сердца.

Молодые люди, включая Джулиану, рассмеялись. Фотограф, выглядевший совсем несчастным, нахмурился.

— Итак, дамы и... господа, позвольте вам представить моих друзей. Герцог Гирвас, виконт Крайом и милорд Меграс. Граф Троубридж, к сожалению, отсутствует.

Я хмыкнула. Бедный граф всегда так хмурился, когда видел меня, что создавалось ощущение, что это я его зажимала в коридоре, а не он — меня.

— Какие у вас будут вопросы? — спросил наследник у Джулианы.

— Вы все — одногодки? — начала журналистка, у которой горели глаза.

Аристократы дружно склонили головы.

— И как вас воспитывали?

— Строго, — ответил наследник. — У его величества целая теория о том, как надо воспитывать наследника и его ближайшее окружение. И наказаний в этой системе гораздо больше, чем поощрений.

— И за что вас могут наказать?

— За драку между своими. За самовольную отлучку. За грубость к женщине, особенно если она ниже по социальному положению.

— А за что могут наградить?

— За хорошо выполненное задание, — разом ответили все.

— А как наградить тех, у кого есть все? — вдруг спросила Джулиана.

— Нам дают кусочек того, чего у нас никогда не было, — тихо и серьезно ответил Брэндон.

— И что же это?

— Свобода.

— Да все, что вы запланировали, снимать еще неделю! — дружно возмутились и Брэндон, и фотограф. Аристократы из ближайшего окружения принца молчали — должно быть, рабство у нагов вспомнили. И тем не менее, судя по выражению на породистых физиономиях, были всецело на стороне наследника.

— Ваше высочество! А вы быстренько, — стала уговаривать я. — Поверьте, мы в долгу не останемся! Пирожочков напечем! Блинчиков...

И получилось у меня так льстиво-льстиво. Ну чистый подхалимаж. Джулиана смотрела на меня удивленно. Наверное, в ее картине мира пирожками соблазнять наследника престола было... как-то неправильно. Но я-то прекрасно знала, что это подействует. И добавила соблазна:

— А пирожочки будут с разными начинками. Горяченькие...

— Ладно. — Брэндон кивнул как замороженный.

— Завтра будем снимать танцы — я и принесу!

— Мы тоже придем! — решительно шагнули аристократы.

С мыслью о том, что Каталина меня убьет, я подхватила Джулиану под руку и удалилась. Сообщив, правда, молодым людям, что сейчас снимем верховую прогулку — и на сегодня все. Репортаж с побережья можно сделать и завтра-послезавтра. Я ж не зверь какой!

— И тогда у нас остаются снимки в кругу семьи, в Академии и что-нибудь интересное, с фейерверком, — радостно шепнула я Джулиане.

Пока мы не ушли из дворца, я записалась в приемной императора на аудиенцию завтрашним утром.

— Надо предупредить, что нам нужны также снимки с участием его величества.

А дальше нас ждала редакция — сегодня был четверг, следовательно, ночью второй выпуск газеты «Имперская правда» должен отправиться в типографию.

— Вот объясните мне — это что? — гневалась мама.

И мы поспешили в кабинет, где она общалась с подчиненными.

Мама была прекрасна. Со вздернутым вверх подбородком, аккуратно убранными серебристыми волосами, в белоснежной накрахмаленной блузке и длинной темно-синей юбке по фигуре, чуть расклешенной книзу, с высокой талией. Мама осторожно, потихоньку, но все-таки осваивала имперскую моду — и ей невероятно шло.

— У меня два десятка статей! И все про одно и то же: мужчина спрыгнул с моста, спасти его не удалось. В окрестностях Роттервика обнаружили банду — есть пострадавшие. Банк «Имперский Золотой», возможно, стоит на грани банкротства. Целители не смогли спасти ребенка, упавшего в ущелье в Западной провинции. И так далее, и тому подобное!

— Но это же все правда, — попытался ей возразить мужчина постарше, предварительно оглядев своих коллег и осознав, что всеобщая поддержка на его стороне.

Наивный!

— Правда?! — рассердилась мама. — Членов банды уже схватили охраняющие тот участок дороги ветераны. Бандиты дожидаются суда — где это? Про мужчину, что бросился с моста, не знаю. А вот про то, что пьяных подростков, упавших в ущелье, было девять человек. Из них спасли восьмерых — это даже мне известно. Почему такой странный подход к подаче информации? И каким образом он относится к правде, за которую вы все так

рагуете?!

— И как быть? — спросил другой журналист, помоложе.

— Переписывайте, — голосом строгой учительницы, дающей двоечникам последний шанс, сказала мама. — И на будущее: если хотите работать в газете миледи Вероники, дважды проверяйте предоставляемую вами информацию!

— Но половина материала — это тексты внештатников!

— Кто у нас с ними работает? — рыкнула мама на незнакомого мне пожилого дядечку.

— Понимаете, новости про разбой, грабеж и убийства продаются лучше.

— Конечно, — не стала спорить с очевидным мама. — А еще новости про покушения и заговоры. Но если силовые ведомства справляются с ситуацией, почему мы должны делать вид, что они не работают? Такого не будет.

Повисло молчание.

— У кого-нибудь ко мне есть вопросы? — поинтересовалась маменька.

— Миледи Журавлева, — спросил у нее журналист постарше. — Вы говорили, что возможно будет взять интервью у высокопоставленных вельмож.

— Будет возможно, — кивнула величественно мама. — Миледи Вероника этим вопросом как раз занимается.

— За пирожки, господа, — сказала я многозначительно, — в империи Тигвердов возможно все.

На этом мужчины вышли из матушкиного кабинета.

— А я взяла Вилли работать в редакцию посыльным, — похвасталась мама уже своим, не учительским голосом.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. Мне стало немного стыдно. Как же за всеми этими событиями я не подумала о работе для своего маленького друга. — Надо только, чтобы он учебу не забросил. Джон пристроил его в ту же школу, где у его друзей сыновья учатся.

— Как-нибудь выкрутимся, — улыбнулась мама. — А мальчишка хороший.

Я кивнула.

— Слушай, дочь! — взглянула на меня строго-строго главный редактор. — А где кроссворд для последней страницы?

— Ой! Забыла! — ахнула я.

— Ты народ подсадила — ты и разбирайся! А то что ж получается — какая хозяйка, такие и работники? Неорганизованные! Все! Только Джулиана и Луиза умнички. И я молодец! А вот остальные!

Мы расхохотались, и я понеслась трудиться.

Отловила Вилли, сунула ему деньги и велела бежать в книжный магазин за энциклопедиями. Затем принялась расчерчивать квадратики на листе бумаги. Это мне развлечение на полдня точно. С другой стороны, сама виновата, не надо было тянуть.

К вечеру меня из-за стола вытянул Ричард.

— Пойдем домой, неугомонная ты моя! — распорядился он.

— Сейчас, — кивнула я. — Еще два слова — на «Т» и «С».

— «Тигверды» и «солдаты».

— Очень смешно.

— А тебе из какой области надо?

— Из мирной.

— Цветочки-бантики?

— Драгоценные камни, книги, города...

И тут я кое-что вспомнила:

— Ричард, кто такие тикунуны?

— Что?! Где ты этого набралась? Ты где была? С кем?! — началось...

Допрос с пристрастием, рычанием и огненными искорками в черных очах! Красота!!! Пришлось рассказывать все как есть. И про разноцветных пушистых даггов, и про синюю маргаритку, и про ребристые обожженные деревья. Отчитываться, оправдываться, успокаивать, прикрываться наследником, обещать блины и... много чего обещать...

Как я и предполагала, тикунуны — это клопы. Живут в коре не особо ценных древесных пород, из которых и строят свои жилища бедняки. Сам по себе тикун не опасен, и даже деревья он не ест — просто там селится. Но людей кусает — от страха, впрыскивая под кожу мизерную дозу яда. Яд для жизни не опасен, но зуд и покраснения вызывает.

Ричард пытался меня отговорить, намекая на то, что упоминание об этом насекомом не совсем принято в светском обществе, но я решительно отвергла подобный снобизм. Представила, как Вилли радостно вписывает в колонку знакомое слово, и решила, что все делаю правильно.

— А на «с»? — Я подняла глаза на Ричарда. Ох... Как же хитро он улыбается...

— Сойки — подойдут? Добьем местную аристократию сельской экзотикой! — Принц хохотал.

— Сойка — это птичка? — Я обрадовалась, услышав знакомое слово.

— Сойки — это цветы, Ника! И я думал, они твои любимые, раз тебе так понравилась та картина. Я даже букет приготовил, но потом пришлось искать подснежники.

Я вспомнила любимую картину, что написала Джулиана, и ярко-синие маленькие цветочки на ней.

Годится!

— Все! — захлопала я в ладоши. — Ричард, а где ты нашел подснежники, ведь не сезон был?

— Для влюбленного мужчины нет ничего невозможного, — очень серьезно ответили мне.

— Пойдем, — попросила я.

Мы вместе отнесли кроссворд маме. Она кивнула, улыбнувшись, поглядела на Ричарда. И отпустила меня домой.

— А вы? — удивленно посмотрел на нее ненаследный принц Тигверд.

— Ну нет! Пока все сделано не будет как надо — я отсюда ни ногой!

Я хотела сказать, что тоже не пойду. В конце концов, кто всех взгоношил! Но споткнулась о матушкин взгляд и удалилась.

— У тебя удивительная мама, — тихо проговорил Ричард. — Чем-то похожа на мою. С ней рядом тоже тепло.

— Расскажи о своей маме, — попросила я. А сама вспомнила наброски, что видела в альбоме у Джулианы. Надо попросить, чтобы она и для нас портрет Милены Рэ написала. Интересно, я бы понравилась маме Ричарда?

— Ты бы ей понравилась, — эхом отозвался на мои мысли Ричард. — Она ценила искренность. Мама и сама была такой — прямолинейной, честной. Говорила всегда только то, что думала. Все как есть. Вот только говорила редко и мало. Она была тихая, молчаливая. Часто — грустная.

Он потер лоб и вдруг неожиданно светло улыбнулся:

— Мама учила меня... без слов. Либо показывала что-то, либо просто клала ладонь на лоб — и я знал, что она хочет сказать. Или видел сон, в котором чему-то учился...

Мне вдруг стало очень грустно. Что-то заняло в груди, больно сжало в висках и очень-очень сильно обожгло палец с перстнем. Буквально секунда — и все прошло. Так же внезапно, как и началось.

Мы шли пешком по вечернему Роттервику. Людей было мало, в воздухе сладко пахло цветущими деревьями. Запах был свежий, весенний. Так пахнет, когда цветут те самые деревья, в парке у дворца.

Под этим деревом мы встретились когда-то. Осенью. Интересно, как они называются, эти деревья? Надо все-таки добраться до атласа в библиотеке.

— Пойдем поужинаем? — прервал мои мысли Ричард. Я и не заметила, что мы подошли к ресторану «Зеленая Цапля».

— Может, дома? — Я поежилась, вспоминая помпезность этого роскошного места. — Дома как-то... уютнее.

— Ника, — меня нежно, но крепко обняли за плечи, развернули к себе, — ну неужели ты думаешь, что я за это время тебя не выучил?! Мы не пойдем в этот ресторан. То есть пойдем, но не совсем туда, куда ты ожидаешь. Во-первых — это сюрприз, который, я надеюсь, тебе понравится.

— А во-вторых? — Я совсем напряглась.

— А во-вторых — дома нет ни еды, ни слуг... никого.

— Даже Флоризеля?

— Он в поместье с Джоном — с ним все будет в порядке, не волнуйся. Просто я хочу, чтобы мы были только вдвоем.

— Я тоже...

После долгого поцелуя я мало что соображала — просто семеня за Ричардом, который, крепко сжимая мою ладонь, тащил меня за собой. День был тяжелый, вечер поздний. Я украдкой зевала и, честно говоря, предстоящим романтическим ужином интересовалась мало. Тем более что есть не хотелось. Совсем. А хотелось... Домой хотелось.

Мы прошли огромную залу того самого ресторана, где уже были когда-то. Ричард о чем-то пошептался с метродотелем, и мы стали спускаться вниз по винтовой лестнице. Лестница была очень красивая — ажурные воздушные перила с изображениями цветов и птиц, белоснежный мрамор с розоватыми прожилками. Спускались довольно долго. Наконец мы вошли в маленькое полуподвальное помещение. Там были изящные кованые столики, выкрашенные мятным цветом стены и огромное количество птичьих клеток! Клетки были разных форм и размеров — от совсем маленьких, плетеных до больших и очень красивых. Клетки были и золотые, и серебряные, кованые, плетеные, но в каждой из них сидели маленькие ярко-зеленые птички. Их было так много, что, если бы они разом стали петь или чирикать, услышать друг друга было бы невозможно. Но, к счастью, птички молчали. Больше всего они были похожи на ярко-зеленых воробьев. Ну или на растолстевших канареек. И тут я догадалась, кто это:

— Ричард! Это... Зеленые цапли?

— Да, любимая. — Ричард смотрел на меня очень вдохновенно и романтично, а я... Я хохотала до слез, настолько зеленый воробей был не похож на цаплю. Наверное, я сильно испортила красоту и торжественность момента, но ничего не могла с собой поделать. Ричард

терпеливо ждал... Я успокоилась, но дала себе слово как-нибудь показать Ричарду, как выглядит в моем мире цапля, — тогда он меня поймет.

И простит. Я хихикнула последний раз, когда к нам подошел сам хозяин.

— На сегодня вы закрыты — я хочу, чтобы мы с миледи остались вдвоем. Бутылку «Зеленой цапли», любикку для птиц, какой-нибудь легкий десерт для нас.

— Открыть клетки? — Мужчина улыбнулся. На мгновение показалось, что он мне подмигнул. Хотя, наверное, это от того, что я смеялась до слез — вот и показалось.

— Да. И оставьте нас вдвоем.

— Конечно, милорд.

— Ричард... А почему они не поют? И зачем ты приказал открыть клетки? Мы их будем кормить? А они не улетят? Это что, какой-то имперский обычай, да?

Ричард смотрел на меня и улыбался. И от этого взгляда стало так тепло, так радостно. Перстень снова обжег палец — но совсем не больно, чуть-чуть.

— Интересно, сколько вопросов подряд ты способна задать? Надо будет как-нибудь посчитать...

— Интересно еще и то, что ты так и не ответил ни на один! — Я требовательно уставилась в черные глаза.

Тем временем нам принесли маленький пузатый пузырек с чем-то густым и ядовито-зеленым, две вазочки с нежно-розовым кремом, два очень красивых бокала и небольшую корзиночку с ягодами, напоминающими плоды боярышника. Крышка с легким хлопком открылась, и густое зелье разлили по бокалам. Честно говоря, выглядело немного жутковато. Я сразу вспомнила сказки про то, как злые колдуньи варят в котлах всякие нехорошие зелья, кидая туда сушеных мышей и прочую пакость. И вот это самое зелье в моем мире изображалось чаще всего именно так — нечто густое и зеленое. С другой стороны, в моем мире и цапли выглядят по-другому, так что не будем торопиться и делать поспешных выводов.

Ричард тем временем уже поднял свой бокал, приглашая и меня сделать то же самое.

Я поднесла бокал к лицу, вдохнула аромат — и пропала... Что бы это ни было, но пахло оно восхитительно! Чем-то сладким, свежим, дурманящим. Что-то свернулось пушистой кошкой в области живота и рассыпалось бабочками в голове. Я уже хотела попробовать, но Ричард мягко коснулся щеки, чем вернул меня в этот мир.

— Подожди, любимая. Ника — ты любишь меня?

Ну вот, приехали. Видимо, у имперцев так принято делать предложение руки и сердца.

— Так не делают предложения руки и сердца — так проверяют любовь!

Нет, все-таки он читал мои мысли! Второй раз за вечер — это уже не совпадение, это уже закономерность.

— Ты решил меня проверить?

— Нет-нет, успокойся. Я не хочу тебя проверять. Я уверен, и именно поэтому привел тебя сюда, чтобы кое-что тебе показать. Но чтобы волшебство случилось и порадовало женщину, которая мне дороже всего на свете, эта женщина должна ответить на вопрос. Ника, ты меня любишь?

Я задумалась, расслабилась и заглянула внутрь себя — как тогда, в пустоте между мирами. Были моменты, когда я не верила в происходящее, когда я не позволяла себе даже думать об этом серьезно. Были — когда я решила, что все кончено, и старалась забыть. Были злость, обида, боль. Страсть. Желание. Но — да. Я любила. Все это время и с первой

секунды нашей встречи — я любила его. А посему ответила с улыбкой и легким сердцем:

— Да!

— Я тоже тебя люблю, Ника. Я люблю тебя! А теперь — пей! До дна! — Ричард подмигнул мне и зажмурился, делая большой глоток.

Поскольку зажмурился он явно от удовольствия, я не стала долго себя уговаривать и залпом выпила... божественный нектар. По-другому не скажешь — настолько это было вкусно!

И в ту же секунду птицы запели. Они пели, а их грудки постепенно становились ярко-алыми. В тот же миг клетки распахнулись, птицы стали вылетать, кружить над нами и угощаться ягодами из корзинки. Ричард насыпал любiku мне на ладонь, и я кормила их с руки.

Мы смотрели друг на друга, кормили зеленых птичек и были абсолютно счастливы.

Постепенно все стихло — зеленые воробьи замолчали, расселись по клеткам, которые захлопнулись сами собой, и алые перышки стали гаснуть, будто пламя свечи. Через какое-то время имперские цапли снова стали зелеными. Я не отрывала от них глаз, не могла прийти в себя от увиденного и пережитого.

Ричард вложил в мои пальцы маленькую ложечку, помог зачерпнуть из вазочки и отправить в рот что-то легкое, розовое и воздушное. Мусс был очень вкусный — нежный, с кислинкой.

— Вкусно! Ричард... спасибо. Это незабываемо! Эти птички — они...

— Вкусно, согласен, но с твоими блинчиками не сравнить! — вздохнул милорд Тигверд. — А зеленая цапля — птица, которую еще называют «спящая красавица».

— Почему?

— Не заметила? Посмотри на них внимательно.

Я присмотрелась — птицы спали! А Ричард продолжал рассказывать:

— Птицы реагируют на магию любви. Если двое искренне любят друг друга — случится чудо. Зеленые цапли проснутся, запоют, и их грудки станут алыми. Если же нет — будут спать. Поскольку в империи браки в основном заключают по расчету, в этом ресторане редко такое увидишь. Вон — сбежался весь персонал.

Ричард кивнул в сторону открытой двери. Там и правда стояли, наверное, все работники ресторана и даже посетители верхней залы. Лица у них были такими восторженными, что они даже не отреагировали на то, что их заметили. Мы с Ричардом рассмеялись.

Пока мы шли домой — обнимались, как школьники, не обращая внимания на малочисленных прохожих. А что? Требования имперцев к приличиям соблюдены: я в шляпке и в перчатках. А что обнимаюсь с любимым мужчиной — так не их дело!

Перед самым порогом дома Ричард меня поцеловал. Подхватил на руки. Дверь распахнулась — дом словно приветствовал нас, соскучившись.

— Это в вашем мире есть традиция перенести жену через порог своего дома? — прошептал мне на ухо Ричард.

Он донес меня до спальни. Уложил на кровать. Нежно коснулся пальцами щеки — я потянулась за лаской, как котенок. Он кончиками пальцев поднял подбородок, заставляя смотреть в глаза, — лично я такое терпеть не могла, но сегодня ему и это было можно. Ричард чуть улыбнулся — и медленно склонился к моим губам.

Я задрожала в предвкушении. Ну же... Давай... Поцелуй меня, а я выгнусь тебе навстречу и сойду с ума в любимых руках. Запущу руки под одежду, пройду вверх по

мышцам спины, оглажу плечи, сожму ключицы — тебе ведь это нравится. Потом запутаюсь в светлых жестких волосах...

Услышу свой стон... И вторящий, как эхо, — твой!

И во Вселенной останемся только мы с тобой. Да еще, может быть, этот старый дом, который радуется за нас.

Утром я проснулась в состоянии блаженства. Умиротворенная. Счастливая. Ричарда уже не было. Мне показалось — или он тихонько ушел под утро? Вечером спрошу. Я быстро собралась, благо моей одежды в гардеробной этого дома было предостаточно, и отправилась в редакцию. Надо же узнать, что там у нас со вторым выпуском «Имперской правды».

Меня встретила расстроенная мама, которая выложила передо мной газеты конкурентов. Я посмотрела на строчки, которые тут же запрыгали у меня перед глазами.

— Так вот куда его вызвали...

— Ника! — всплеснула руками мама. — Да как же так! Да что за сволочь объявилась на нашу голову!

«Кто защитит наших жен и дочерей?»

«Золото волос как приговор»

«Второе убийство во втором городе страны»

«Еще одно убийство золотоволосой женщины в синем. Власти бездействуют»

«По крупным городам империи прокатилась череда убийств молодых женщин. Убийства начались в столице и продолжаются до сих пор. Каждый третий день в нашей империи гибнет красивая молодая женщина. Накануне в Норверде — столице Северной провинции — была убита еще одна женщина — третья жертва неизвестного убийцы!»

Что же предпринимают власти? Реформированный Уголовный розыск? Конкретно его начальник, ставленник ненаследного принца Тигверда — бастарда императора? Получается, что НИЧЕГО. Защитники правопорядка лишь констатируют очередную смерть.

Сейчас идет подготовка к торжествам, посвященным дню рождения наследника, и, видимо, все силы брошены на то, чтобы обеспечить безопасность этого мероприятия».

— Судя по статьям, второе убийство было не в столице, а в главном городе Северной провинции — Норверде.

— Северная провинция... — повторила я задумчиво. — Земли рода Рэ...

— Жена мелкого чиновника. Пропала из парка, где гуляла с детьми. Никто ничего не заметил.

— Тварь... Какая тварь!

— И, как пишут газеты, никто из них не был во время похищения в синем... И вообще синего не носил.

— Получается, что платью на них надел убийца. — У меня пропал голос. — Надо сказать Наташе, чтобы гулять одна не ходила. Она, конечно, не золотоволосая блондинка, но...

— И Джулиану предупреди, — нахмурилась мама. — И вот что за идея переселиться в студию эту?! Лучше бы оставались все в куче.

— А что папа говорит? — спросила я.

— Вот вечером он придет с работы — и узнаем. А то папа твой, как обычно, молчит

себе. Будто это нас и не касается.

— Наверное, они хотели схватить этого гада быстро, по-тихому. Чтобы избежать всей этой шумихи.

— Но не получилось...

— Значит, надо давать газетчикам свою версию событий, — протянула я. — Дадим сегодня специальный номер. А то имперские умельцы такого понапишут, что выяснится под конец, что это Ричард лично всех жертв перебил, а Денис на подхвате был.

— Ага... И наш журнал через несколько недель выйдет. А там... — скривилась мама.

— А там биография наследника. И подготовка к балу.

— И получается, что мы — только что прибывшие в империю чужаки — равнодушны к ее бедам.

— Да уж, — печально кивнула я головой. — Надо поговорить с Денисом.

— Может, не трогать его пока?

— Ага. А его, между прочим, все это напрямую касается. Я сейчас же отправлюсь к нему — пускай делится информацией.

— Ника, а Ричард?

— Ш-ш-ш-ш... Не спугни. Но, с другой стороны, он ушел и ничего мне не сказал! И я злюсь.

— Ника, — насмешливо посмотрела на меня мама. — Ну представь себе — над тобой склоняется любимый мужчина. Ночью. И говорит проникновенно: «Там женщину убили. Пойдем со мной!»

— Все равно он не прав.

— И до чего вы договорились?

— Ма-а-ам, — укоризненно протянула я.

— Ника... Вы так и будете прятаться по углам и закоулкам?

Через час я уже подъезжала к мрачному зданию Уголовного розыска.

По крупной дрожи, что вдруг начала меня бить изнутри, я поняла, что зря все это затеяла.

— Что с тобой? — связался со мной Ричард.

— Все хорошо.

— А почему такой внезапный приступ паники? — обеспокоенно спросил он.

— К Уголовному розыску подъезжаю.

— И что ты там забыла?!

— Если меня не ставят в известность об информации, которая для меня важна, то я буду добывать ее сама!

— Ника.

— Всего доброго.

— Вероника Евгеньевна! — поприветствовал меня по-русски новый хозяин старого кабинета.

— Денис Юрьевич! — постаралась я улыбнуться и дала себе распоряжение смотреть только на бывшего студента, а ныне — начальника Уголовного розыска империи.

— Присаживайся, — любезно предложил мне старый знакомый и подал руку, чтобы проводить к стулу.

К тому самому стулу. Надо же, сколько всего поменялось, а мебель все та же. Крепкая... Привинтили, интересно, стул к полу или нет?

— Ника... Ника... Да что с тобой? Доктора вызвать?! — голос доносился как через несколько слоев ваты.

Вспомнила, что доктора в этом заведении уже мои практически останки соскребали. И хихикнула.

— Ты бы еще палача местного пригласил, — сами сложились губы.

Да... Идею посетить это учреждение можно охарактеризовать как идиотскую...

— Госпожа Лиззард... — звал меня незнакомый голос. — Госпожа Лиззард... Ну что же вы нас пугаете?

Я лежала на диванчике. Мне под нос сунули какой-то отвратно пахнущий флакончик. Глаза заслезились, дыхание стало частым и прерывистым. Перед глазами упорно стояла пелена, не желая никуда исчезать.

— Ника! — раздался голос Ричарда. Теплые руки обняли меня. — Вот какая ты... неутомная!

— Все уже хорошо, — продолжил некто, говорящий с теми же интонациями, что и целитель Ирвин. — Надеюсь, вас на этот раз не начальник Уголовного розыска обидел? А то он у нас человек новый, всех сотрудников устраивает... Не надо бы его на каторгу — как вы считаете?

— Зачем на каторгу?! — изумился Денис.

— Так нас предыдущий начальник покинул после того, как мы госпожу Лиззард из этого кабинета полумертвой выносили.

Ричард так прижал меня к себе, что я подумала — задохнусь.

— А что случилось с миледи Вероникой? — осторожно поинтересовался мой бывший студент.

— Допрашивали.

— Что? — в голосе Дениса было какое-то бешеное изумление.

— А наш начальник... вспылал.

— Я признательные показания подписывать не хотела, — прошептала я.

— Как вы, госпожа Лиззард? — спросил доктор.

— Спасибо, лучше, — ответила я. — И простите за представление.

— Давайте еще успокоительное выпьем, и будет совсем хорошо. — Мне под нос подсунули другую мензурку, из которой я и выпила.

— Вот скажи мне, Ника, если ты так на все остро реагируешь, ты зачем сюда приехала? — раздался голос Дениса, в котором была целая гамма эмоций. Я услышала и раздражение, и заботу, и тревогу...

— Не рассчитала просто.

— Не рассчитала, — пророкотал у меня над ухом Ричард. — А мы здание готовились штурмовать!

— Вот ведь...

— Слушай, если надо было тебе со мной поговорить, — возмутился Денис, — ну встретились бы в ресторанчике. Или дождалась бы меня у Луизы, в моем доме. Сказала бы, я б к тебе заехал. Чего тебя на подвиги понесло?

— Я по работе.

— Миледи Вероника хотела, чтобы вы выдали ей секретную информацию по расследованиям смертей женщин в синем, — заметил Ричард.

Я скинула с себя его руки и поднялась. Обнаружила разрезанную шнуровку на спине,

ощутила голыми лопатками холодный воздух.

Ненаследный принц Тигверд с шумом втянул в себя воздух.

— Вероника... — простонал Денис, обзревая беспорядок в моей одежде. — Ты смерти моей хочешь?

— Да ладно, — усмехнулась я. — В прошлый раз меня вообще голой отсюда уносили. Милорд Милфорд, спасибо ему, плащом поделился.

— Я слышал, что предыдущий начальник превысил свои полномочия во время допроса, но никак не думал, что это связано с тобой.

— Увы... — вздрогнула я.

— Так, хватит. У меня свадьба скоро. Мне в глубину имперских руд никак нельзя. Ричард, заberi, пожалуйста, свою невесту. И доставь домой.

— И желательно, чтобы никто не видел, в каком я виде.

Марево портала — и мы дома. В нашей спальне.

— Ника, — прижал меня к себе Ричард. — Зачем ты так?

— У меня газета — и мне нужна информация.

— Ника, ты должна понять... Женщин убивают не просто так — их убивают, маскируя под тебя. Понимаешь ты или нет?! Под тебя!

— Ричард... — я прижалась к нему, взяла его лицо в свои руки, развернула к себе и заговорила быстро-быстро, боясь, что он вспылит, не выдержит, не дослушает меня, не поймет...

— Это бессердечно и низко, я чувствую, как много ненависти в том существе, которое все это затеяло. У меня язык не поворачивается назвать его человеком! Но ты же понимаешь, газета — мой единственный способ бороться? Помогать вам, быть нужной, полезной. И потом — я же не одна! Мама, Наташа, Джулиана, сотрудники... Я повела их за собой, и теперь я за них в ответе. Весь проект провалится, если мы не будем вовремя освещать события. Общество опять погрязнет во взаимных обвинениях, вместо того чтобы сообща делать одно дело.

— Ника... — Глаза немного потемнели, но всполохов огня на дне не было. Была какая-то обреченность.

— Ричард, это не мой каприз. Я осторожна, не бегаю от охраны, соблюдаю все, что предписано. Но скрывать от меня информацию, зная, что мы выпускаем газету и журнал, — это...

— Я понял. — Палец лег на мои губы прежде, чем с них сорвалось что-нибудь безапелляционное.

Затем последовал легкий, примирительный поцелуй, и Ричард произнес:

— Миледи Вероника, я обещаю не скрывать от вас важную информацию. Вы же обязуетесь вести себя осторожно. Мир?

— Мир...

Ричард доставил меня в поместье, приказал никуда больше не выходить. Напомнил, что завтра суббота — придут в увольнительную мальчишки — и удобнее будет разместиться за городом. Я только успела кивнуть — он исчез.

Едва переоделась, как меня известили, что в гостиной ожидает его величество Тигверд. В гневе.

— Вот что еще? — ворчала я, спускаясь вниз.

— И как это прикажете понимать, миледи Вероника? — проскрежетал император, не

хуже, чем при нашей первой встрече, когда Ричард был при смерти, а Фредерик пытался решить, причастна я к этому или нет.

— Что именно, ваше величество? — спросила я кротко.

— Я требую объяснить мне, почему под вашим чутким руководством наследник... стал заниматься непонятно чем? Вместо того чтобы танцевать и делать снимки для журнала, он сбежал в Норверд вместе с этой... журналисткой. И... оказывает там помощь!

— Какого рода? — На самом деле я порадовалась за Брэндона. Наконец-то парень при деле. Глядишь, и дурных мыслей поубавится.

Похоже, мне не удалось скрыть радость от императора, потому что он нахмурился еще больше.

— Миледи Вероника!

— Ваше величество, я не понимаю, чего вы хотите от наследника... Послушную собачонку, сидящую на привязи во дворце в попытке понять, не принести ли вам тапочки? Так этого не будет — не тот генофонд. Брэндон вам никого не напоминает?

Похоже, с Фредериком так еще не разговаривали — он просто онемел.

— Вы хотите, чтобы у вас с ним были какие-то взаимоотношения, кроме горечи с его стороны и недовольства с вашей? — продолжила я. — Так дайте ему быть собой. Дайте ему дело, в котором он почувствует себя нужным! Пусть он учится и набивает шишки.

— Но эта журналистка...

— Они чем занимаются в Норверде?

— Со слов охраны — разговаривают с людьми. Объясняют, какие действия предпринимает власть, чтобы разобраться с убийцей. Опрашивают знакомых погибшей — спрашивают, какая она была...

— И что в этом плохого? Что не так?

Фредерик замолчал.

— Мне Ричард все время выговаривал, что я излишне опекаю мальчиков, что они мужчины и должны принимать решения сами. И отвечать за них. Так им по четырнадцать. А вашему — скоро двадцать пять.

— Я против его взаимоотношений с этой девушкой.

— Фредерик, — впервые за этот разговор назвала его по имени, — взаимоотношения либо будут, либо нет. И наше с вами мнение будет молодым людям... без разницы.

— Дочь мелкопоместного барона из Южной провинции, изгнанная из рода. Художница и журналистка, арестованная по обвинению в оскорблении императорской семьи. Вы думаете, им кто-то позволит забыть эти факты ее биографии?

— На самом деле — как поработать с общественным мнением. Любви аристократов, конечно, ей не видать. Так и Джулиану колотит при одном упоминании об элите общества. А вот остальные граждане империи... К тому же — еще ничего не понятно, что вы завелись?

— Это вам не понятно. И, может быть, Джулиане. А вот Брэндон уже все решил, — вздохнул Фредерик. — Но в любом случае мне не следовало врываться к вам и гневаться.

— Ничего. Вы беспокоитесь, и это естественно.

— Давайте отложим с танцами до понедельника. Но через два дня я вас жду во дворце. Будем фотографироваться для журнала.

— Слушаюсь, ваше величество!

Фредерик поморщился — и исчез. А вскоре принесся Вилли с сообщением от моей мамы. Наш главный редактор ругала меня за то, что я совсем не берегу свое здоровье. И

информировала о том, что документы о ходе расследования передали и от главнокомандующего Тигверда, и от начальника Уголовного розыска империи, милорда Брауна.

— Шшшшш... Дзинь-дзинь-дзинь! Пшпшпшшш... Лязг-лязг-лязг! Пшпшпшшш...
Ррррррр... Ммммммм...

Ауууууу!

Вот так выглядит мое субботнее утро. Не догадались? Ладно. Расшифрую, так и быть!

— Шшшшшшшш... Пшпшпшшшшш... Пшпшпшшшшшшшш...

Я пеку блины на всю ораву, с учетом того, что Фредерик может заявиться без предупреждения. Судя по тому, как его величество частенько является в гости аккуратно в тот самый момент, когда я, мама или Каталина достаем следующий противень или кладем кусочек масла на горку горячих оладьев, — думаю, есть у него информаторы среди нашей незримой охраны... Ох есть!

— Шшшшшшшш... Пшпшпшшшшш... Пшпшпшшшшшшшш...

Мальчишки прибыли на выходные. Феликс что-то переписывает в тетрадку из огромной энциклопедии по местной медицине. Он очень увлечен целительством. На факультете его хвалят, отметки хорошие. Ирвин так и вовсе возлагает большие надежды — хочет потом взять мальчика на практику лично к себе. И дело тут не в наших хороших отношениях, а в способностях и трудолюбии Феликса. Я улыбнулась про себя. Гордость и радость за сына потоптались в душе милым розовым слоном — потоптались, похлопали ушами и полетели дальше.

— Дзинь-дзинь-дзинь, лязг-лязг-лязг! — Пашка, Рэм и Ричард фехтуют во дворе.

— Ммммммммм! Ауауаууууу! — это Флоризель...

Если Вселенная решила, что раз Пашка теперь Рэ и маг огня, то по всему выходило, что Флоризель как истинный Тигверд — без ума от выпечки...

Вот такое субботнее утро — богатое на запахи и звуки. Я выпекла последний блин, из остатков теста соорудила три оладушка Флоризелю, дала распоряжения Каталине и пошла наверх, в гостиную, посмотреть, что там творится.

Мама с папой склонились над какими-то бумагами — два серебристоволосых трудоголика. Феликс священнодействовал над энциклопедией. Мальчик настолько ушел в себя, что даже щенок не решился ему мешать — уселся рядом и терпеливо ждал.

Ричард с мальчишками ввалились в гостиную возбужденные, раскрасневшиеся и голодные.

— Вероника, надо накрывать на стол! — решительно встала мама.

Завтракали с аппетитом — мужчины, включая Флоризеля, налегали на блины, и только папа предпочел овсянку и бутерброд с сыром. В этом плане он себе не изменял, сколько я себя помню. Ричард смотрел на отца как на настоящего героя, — с искренним и нескрываемым восторгом. В его понимании овсянка каждое утро — верх воинской дисциплины.

Казалось, все было хорошо. Но что-то беспокоило. После завтрака я настояла на том, чтобы родители пошли прогуляться — все-таки это был выходной, который оба заслужили. Ричард с Пашкой куда-то исчезли, Флоризель увязался за Каталиной на кухню, Рэм... Рэм! Вот оно — то, что не укладывалось в общую картину полного и безоблачного благополучия — неземной красоты глаза под до неприличия отросшей челкой, в коих плескалось море вселенской тоски и неизбывной печали.

— Рэм, помоги мне, пожалуйста, — кивнула я на посуду. Мы вошли на кухню, я сделала страшные глаза Каталине, мотнув головой в неопределенном направлении. Как же хорошо съесть не один пуд соли вместе: пара жестов, совершенно не поддающихся никакой здравомыслящей идентификации, — и тебя понимают!

Как только мы остались одни, я не стала ходить вокруг да около:

— Рэм... Что случилось?

Удивительно, но в этот раз сын не стал ни увиливать, ни придумывать, ни делать вид, что все в порядке, — он просто поделился тем, что его волновало. Совсем взрослый стал...

— Магушка связалась со мной. Ей удалось вернуть себе престол и победить заговорщиков. Часть из них казнены. Часть бежали. Мой долг — быть с ней.

И... она вернется, чтобы забрать меня домой. Я знаю, что это необходимо, и готов исполнить свой долг.

Рэм говорил и говорил. Что-то патетическое и гордое, но... плечи напряглись, а голова опускалась все ниже.

Я не выдержала:

— Давай придет герцогиня, и мы все обсудим, хорошо?

— Мама уже здесь... — Рэм поднял на меня печальные глаза. — Миледи Вероника, пожалуйста, пойдете. Она ждет вас.

Ничего не понимая, я пошла за юным герцогом. В нашей гостиной, перед камином, спиной стояла женщина в длинном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо. В первый момент я вздрогнула — вспомнила гильдию убийц: плащ был похож по покрою, только не дымно-серый, как у членов гильдии, а черный.

Женщина резко обернулась, откинула капюшон, скинула плащ и улыбнулась. Герцогиня Рэймская смотрела только на сына.

— Магушка...

— Геральд...

Рэм подошел и поцеловал герцогине руку, она же быстро провела ладонью по его волосам и поцеловала в лоб. У меня перехватило дыхание. Да, это было сдержанно — они не кинулись друг к другу, не стали рыдать в голос, как наверняка сделали бы мы с Пашкой, случись нам расстаться надолго. Но в этом «приличествующем положении» поведении матери и сына было столько любви, взаимопонимания и боли, что я расплакалась...

Потом наши взгляды встретились. Кончилось все тем, что мы все трое крепко обнялись и расцеловались. И все же я заметила, что оба — мать и сын — с тревогой поглядывают по сторонам. Видимо, я — единственный человек, с которым они позволили себе подобную минутную слабость.

Мы едва успели прийти в себя, когда вошли Феликс, Паша и Ричард. Мальчишки переглянулись встревоженно и очень красноречиво.

Пашка явно был в курсе. «Это хорошо. Значит, они доверяют друг другу», — подумала я. Дальше мои мысли мне совсем не понравились. Герцогиня и Ричард изучающе смотрели друг на друга. Между ними было что-то общее, что-то такое... недоступное мне. Внутри немного похолодело и слегка закололо. Перстень обжег палец...

Я с интересом, восхищением и, к сожалению, не без ревности рассматривала Дарину Гадэ Рэймскую. Она была удивительно хороша собой — тонкая, гибкая, точно струна. С золотисто-смуглой кожей и крупными локонами, рассыпанными по плечам. Но больше всего меня удивил ее наряд. Под плащом оказались очень узкие обтягивающие брюки с высокой

талией, длинные ботфорты из мягкой кожи и что-то вроде камзола с широким поясом.

Я ни разу не видела, чтобы женщины в империи одевались подобным образом, и, зная, как Ричард относится к брюкам на женщине, откровенно ревновала. Корила себя, стыдила, но... ничего не могла поделать! Я так увлеклась невеселыми мыслями, что почти не слышала, о чем говорили Ричард и герцогиня:

— Рэм невероятно вырос в магическом смысле, и мое мнение — во многом благодаря Академии. Я обещаю вам, герцогиня, что при первых признаках появления Анук-Чи я сообщу вам лично.

Смуглое лицо женщины стало белым. Герцогиня наклонила голову, подошла к креслу Села. Глубоко вздохнула. Очень внимательно посмотрела на сына. Рэм глаз не опустил — в его взгляде были просьба и покорность любому ее решению одновременно. Это длилось так долго, что я уже подумала, что надо, наверное, что-то сказать, разрядить обстановку. Наконец Дарина заговорила, и было видно, с каким трудом и болью дается ей каждое слово:

— Я благодарна вам, милорд Верд. Надеюсь, когда-нибудь судьба предоставит мне возможность хоть чем-нибудь вам отплатить за заботу о сыне. Но вы же понимаете, Ричард... Анук-Чи юного мага до сих пор не проявляется, потому что рядом нет чкори.

— Ну почему же нет, герцогиня? При всем моем уважении... — Ричард сделал легкий полупоклон и лукаво улыбнулся.

Перстень опять нагрелся. Мне даже показалось, что он зашипел. Я украдкой кинула взгляд на камень — синие искорки плясали и подмигивали. Их поведение не выглядело тревожным, и я успокоилась.

— Хорошо... Но мне необходимо дать некоторые наставления... — Герцогиня выглядела растерянной.

— Давайте прогуляемся — вы не против? За поместьем — лес, совсем неподалеку — небольшая поляна. Как вы смотрите на то, чтобы размяться, герцогиня?

— С удовольствием, милорд... — Герцогиня улыбнулась. Робко, но искренне.

Я расстроилась совсем — какие-то лукавые улыбки, недомолвки... Что происходит, в конце-то концов! Неожиданно мне на помощь пришел Рэм, который все это время молчал.

— Герцогиня Рэймская и... милорд Верд — оба чкори, — тихо сказал он. — Чкори — в далеком прошлом кочевой, но уже много лет осевший на территории империи народ, имеющий свою собственную историю, традиции и магию. Анук-Чи — стихия в образе лошади или змеи, в зависимости от клана. Моей матери стихия явила себя, когда ей было семь. Ее Анук-Чи может принимать разные формы — это не совсем обычно для чкори и связано с тем, что она — так же как и я — полукровка.

Тут он грустно замолчал, но продолжил:

— В Академии у меня не было проблем на занятиях по магии, но Анук-Чи так и не появился, а мне уже пятнадцать...

— Рэм — маг земли. Он самый сильный в этой стихии из всех параллельных потоков — ему просто равных нет! — Мой сын своим звонким голосом и попыткой поддержать товарища разогнал таинственность мягкого голоса юного герцога. Мне даже стало немного обидно, зато герцогиня Рэймская посмотрела на Пашку тепло и нежно. Пауль Рэ — и ее сын тоже...

Мы оделись и вышли. Ричард обнял меня и шепнул:

— Ничему не удивляйся и ничего не бойся — тебе должно понравиться...

Мне понравилось! Огромный огненный конь Ричарда мчался по кругу небольшой

поляны, за ним летела песчаная птица галстук, похожая на ястреба. Время от времени песок осыпал гриву скакуна золотым дождем, — и вот уже огромная змея вьется меж копыт... Миг — и птица села Дарине на плечо, а языки пламени заплясали под ладонью Ричарда...

Как я поняла, конь и змея — два духа, воплощающие в себе все стихии природы. Образ змеи или лошади не означают землю или огонь, они лишь означают принадлежность к клану. Магия огня, воды, земли и воздуха — это у имперцев. Конь и змея у чкори — это скорее мать-природа, а огненный конь и песчаная змея — это просто память предков. Ричард как-то рассказывал мне, что дух не для всех выглядит одинаково, а также не все его видят...

Сложно, конечно, но в принципе разобраться можно. В птицу галстук Анук-Чи превращается только у Рэймской, так как в ней по крови — две магии. У Ричарда — тоже, но его Анук-Чи — огненный конь, и он не трансформируется.

Прогулка получилась незабываемой, но слегка напряженной из-за настороженно-требовательных взглядов герцогини в сторону смущенного Рэма.

Я продолжала анализировать полученную информацию и сделала вывод: герцогиня ждет, что у сына тоже появится Анук-Чи, и не знает, как тот будет выглядеть! Я собой гордилась — и пусть этого никто не замечал...

Все уже подходило к поместью, когда навстречу с громким лаем выскочил Флоризель Тигверд. Щенок лаял, расставив толстые лапы, изо всех сил изображая злого сторожевого пса. Наверное, он решил, что герцогиня Рэймская — это «чужой» и нас срочно нужно спасать! Странно — никто его этому не учил... Может быть, он вырос? Гены? Интересно, он вообще сторожевой пес? Надо будет прочитать про породу гончих святого Губерта. Я подошла к щенку, попыталась его успокоить, но не тут-то было — Флоризель и не думал успокаиваться, и тут я наконец увидела почему!

Щенок лаял не на Дарину, — он рычал на существо, которое безмолвно стояло рядом с юным герцогом — золотисто-песчаную копию Флоризеля...

Анук-Чи герцога был не таким четким и крупным, как у старших, но очень... живым! Золотисто-песчаный вихрь вился у ног юного мага, чем вызвал непередаваемый восторг у мальчишек. Минуту так же, как и все мы, они стояли молча. Но минута пролетела быстро, и вот уже было совершенно не разобрать — где чей сын и кто чей дух.

Когда все наконец успокоились, я отправила мальчишек в дом, чтобы Ричард и герцогиня могли поговорить. Сама я тоже осталась. А что? Это и мой сын тоже, и сейчас решается его судьба.

— Герцогиня, вы можете побыть с Рэмом несколько дней — это необходимо, но я бы очень просил вас дать герцогу возможность окончить Академию в империи. Со своей стороны смею предложить свою помощь в наставничестве. Я — маг огня, Рэм — земли, но Анук-Чи вместе с магией стихий есть и у меня. Я смогу позаботиться о его развитии. Обещаю информировать вас более чем подробно.

Ричард говорил все это герцогине, украдкой посматривая на мальчишек, которые никуда не ушли — просто отошли в сторонку... Сговорились!

Дарина улыбалась и обнимала сына. Было видно, что случилось наконец то, чего она ждала, и теперь ей стало намного легче. Она приняла решение, которое далось нелегко, но герцогиня своих решений не меняла.

Я смотрела на эту хрупкую женщину и каждой клеточкой ощущала исходившую от нее силу — силу, с которой не так-то просто справиться. Я понимала, почему именно она — правительница своей страны. А еще чувствовала, что у Рэма тоже есть эта сила. Сколько же

ему предстоит пройти... И когда придет его время — он возьмет на себя ответственность по праву рождения. Его преследует судьба, которую он не выбирал и от которой он никогда не сможет отказаться. «Нам дают то, чего у нас никогда не было. Свободу», — вспомнила я...

— Я не против. Но Рэм должен быть в эти дни в герцогстве. Мне очень жаль, что я не могу вас пригласить... При моем еще не прочном положении это может вызвать недовольство, но Рэм обязан быть — торжество запланировано в его честь... — Женщина развернула мальчика к себе и произнесла:

— С днем рождения, сынок...

Дальше мы загудели все разом! У сына день рождения — а мы не знали, да как же так, надо же торт, и подарки, и... В итоге решили, что семейный праздник переносится на вечер.

Герцогиня, Рэм и Ричард отошли в сторону, что-то забормотали не на имперском, и щенок из золотого песка исчез, к бурному разочарованию мальчишек и относительной радости его живой копии. Флоризель Тигверд конкуренции не выносил.

Решили, что праздновать будем в тихом семейном кругу, так как Рэму с герцогиней сегодня же надо было отбыть во дворец. В герцогстве Рэймском с завтрашнего дня начинались торжественные приемы в честь именин наследника.

Я рассказала Ричарду о нашем обычае задувать свечи на торте и загадывать желание, но маг огня, к сожалению, отверг подобное святотатство категорически.

Огонь — проявление стихии огня. Он — ее дыхание. Обращаясь с просьбой, огонь зажигают, а не гасят. Тем более что Рэм — маг земли и обращаться с просьбой к другой стихии не должен. В общем — все сложно...

Спорить я не стала, но настояла на том, чтобы Дарина организовала любимый десерт именинника, и его нам доставили из герцогства. А вообще, что с рэймцами, что с имперцами — сложно с ними. День рождения воспринимается как... политическое событие. О том, чтобы порадовать ребенка, никто вообще не думает!

А вот Пашка про друга не забыл. Мы пошептались и решили ехать в город за подарком. Хорошо, что сын точно знал, что нужно. Ричард сообщил, что ему необходимо во дворец, подмигнул Пашке и исчез в портале. Я приказала подавать карету, оставила все организационные хлопоты на родителей, в тысячный раз заверив, что подарок, за которым мы с сыном едем в город, будет от нас всех. Феликс с Флоризелем тоже без дела не сидели — в поте лица своего отвлекали герцога Рэма, чтобы тот не заметил всеобщей суеты — все-таки это сюрприз!

Джон привез нас с Пашей к магазину, в котором я никогда не была. На витрине чего только нет. Шпаги, кинжалы, шляпы, перчатки, сапоги... Магазины назывались «Оден Идан». Насколько я поняла из Пашкиных сбивчиво-восторженных комментариев, Оден Идан — великий имперский фехтовальщик, известный практик и теоретик. В полутемном подвальчике невероятно вкусно пахло кожей и чем-то еще... Это был какой-то авантюрный запах приключений бесстрашных мушкетеров! Продавец — коренастый мужчина небольшого роста, непонятного возраста и со шрамом во все лицо. Шрам этот хоть и был глубоким, каким-то удивительным образом совершенно не выглядел устрашающе.

Я с удивлением отметила, что эти двое — хозяин магазинчика и мой сын — прекрасно друг друга знают. Пауль сказал пару фраз, из которых я не поняла практически ничего, и нам вынесли наш подарок. Это был плащ. Ничем особо не примечательный, из какого-то очень прочного, но невероятно легкого материала, цвета потертой кожи. Я не очень поняла все нюансы, но смысл был в том, что это — плащ специального кроя, который использовался во

время боя на шпагах. Там был скрытый карман для метательных ножей, какая-то специальная петля для чего-то еще и некий магический ресурс, отвлекающий противника.

Пока упаковывали покупку, я с интересом рассматривала все, что меня окружало. Фантазия уже рисовала статью про это волшебное место — с интервью и фотографиями, и тут мое внимание привлекли гравюры, развешанные на стенах вместе с прочими трофеями. В основном это были зарисовки фехтовальщиков, но на одной картинке была изображена женщина. Выглядела она точь-в-точь как герцогиня Рэймская, посетившая нас сегодня.

Оказалось, что это женский костюм для фехтования. Но так как в империи женщинам фехтовать запретили, подобная мода канула в Лету. Встретить прекрасную амазонку в узких брюках и высоких ботфортах теперь можно только в местах, на которые власть империи не распространялась. Например, в герцогстве Рэймском.

Я вспомнила Пашину знакомую — девушку, которая читала стихи и занималась фехтованием. Она в подобном костюме выглядела бы сногшибательно — под стать самой Дарине Гадэ. И Джулиане бы тоже пошло — красиво и... удобно, в конце концов! И вообще — надо что-то делать с этой чудовищной имперской дискриминацией, разорви меня Стихии! Об этом непременно стоит написать — небольшой познавательный экскурс в историю, но с подтекстом... Пока я мысленно возмущалась, мы вернулись в поместье, где все уже было готово к скромному семейному торжеству.

Праздник получился чудесным — Ричард принес фамильный клинок рода Рэ и не просто подарил его Рэму, а совершил какой-то ритуал, мне не понятный, но очень красивый. У Ричарда с Рэмом при этом были такие серьезные лица... Нет-нет, я не смеялась, вы что! Я тоже поддерживала торжественность момента и улыбалась исключительно про себя. Видимо, этот жест со стороны Ричарда действительно означал очень многое, потому что герцогиня с сыном побледнели и потеряли дар речи на несколько минут.

А потом были «Грезы на закате» — традиционный десерт Рэймского герцогства и любимое лакомство Рэма. Даже розовый крем в «Зеленой Цапле» не был таким вкусным! Торт был похож на шоколадное мороженое, которое чудесным образом не таяло. Внутри — нечто воздушное и хрустящее, а сверху — алые сладко-кисленькие зернышки, напоминающие зерна граната. Выяснилось, что Флоризель не только истинный Тигверд, но еще и немножечко коренной житель герцогства Рэймского... Удивительный пес!

Подарок, выбранный Пашкой, дополнил подаренный Ричардом клинок — так вот почему они переглядывались и перемигивались! Разошлись уже глубоко за полночь. Абсолютно счастливые Рэм и герцогиня исчезли в мареве портала, Пашка, Феликс и Флоризель заснули практически мгновенно — устали за насыщенный впечатлениями день.

Уже в спальне я расчесывала волосы перед зеркалом — перстень на пальце в отражении ярко вспыхнул синим. Ричард подошел сзади, отодвинул волосы, чуть коснулся губами плеча.

— Что с тобой? Что-то не так?

— Нет, что ты! Все так... Все просто замечательно, — улыбнулась я ему. А про себя подумала: «Это-то и страшно...»

Ричард открыл портал, и мы снова оказались в городском доме, где никого не было.

А я вдруг подумала, что хочу дочку. С такими же глазами, как у любимого мужчины. Ну и с моим ангельским характером. После таких страстных, сладких ночей дети и должны появляться на свет.

О чем я и сообщила Ричарду, как только смогла разговаривать. И, как выяснилось, зря...

Он странно на меня посмотрел и сказал осторожно:

— После свадьбы — со всем возможным прилежанием...

— Что это значит?

И тут на меня словно ушат холодной воды вылили:

— Ника, ты что, правда не понимаешь, что быть незаконнорожденной — это клеймо?

— И что же ты делаешь, чтобы не было нежелательной беременности?!

[Купить полную версию книги](#)